

АИД И ПЕРСЕФОНА

НЕОНОВЫЕ БОГИ

«НЕОПИСУЕМО
ГОРЯЧО».

— *Entertainment
Weekly*

КЭТИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES И USA TODAY

РОБЕРТ

Кэти Роберт

Неоновые боги

Серия «Темный Олимп», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68404817
Роберт, Кэти. Неоновые боги: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-152774-7*

Аннотация

Любимица светского общества Персефона Димитриу планирует сбежать из ультрасовременного города Олимпа и начать новую жизнь вдали от вероломной политики Тринадцати Семей. Но ее планы срываются, когда мать девушки тайком устраивает ей помолвку с Зевсом, опасным властителем, стоящим за темной ширмой их блистательного города.

Не имея иного выбора, Персефона бежит в запретный нижний город и заключает опасную сделку с человеком, которого когда-то считала вымыслом... с тем, ко откроет ей глаза на мир, о существовании которого она даже не подозревала.

Аид всю жизнь скрывался от посторонних глаз и не намерен выходить на свет. Но выяснив, что с помощью Персефоны он может совершить акт мести, которой жаждал годами, Аид пользуется этим предложением, чтобы помочь ей – за плату. Однако с каждой бессонной ночью, которую они проводят в объятьях друг друга, в нем начинают просыпаться чувства к Персефоне, и

он готов, развязать войну с самим Олимпом, лишь бы она была рядом...

Содержание

Глава 1. Персефона	6
Глава 2. Персефона	22
Глава 3. Аид	36
Глава 4. Персефона	53
Глава 5. Аид	71
Глава 6. Персефона	88
Глава 7. Аид	106
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Кэти Роберт

Неоновые боги

Katee Robert

Neon Gods: Dark Olympus book 1

Copyright © 2021 by Katee Robert

Cover design by Dawn Adams/Sourcebooks

Cover image © Alexxhey/Shutterstock

© Лялина Ольга, карта

© Мчедлова Валерия, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Эрин и Мелоди – ваш подкаст принес мне много радости за последние несколько лет, и я надеюсь, что предмет гордости Аида – его полы – подарят вам немного радости в ответ.

Глава 1. Персефона

- Терпеть не могу эти вечеринки.
 - Смотри, чтобы мама тебя не услышала.
- Я оглядываюсь на Психею.
- Ты тоже их ненавидишь.

Я потеряла счет мероприятиям, на которые мать таскала нас долгие годы. Она всегда сосредоточена на следующей добыче, на новой фигуре, которой можно сделать ход в шахматной партии, где правила известны ей одной. Возможно, мне было бы легче их выносить, если бы я не чувствовала себя одной из ее пешек.

Психея встает рядом и подталкивает меня плечом.

- Знала, что найду тебя здесь.
- Это единственная комната, в которой я могу спокойно находиться. – Даже учитывая, что этот зал статуй – воплощение гордыни.

Это относительно простое помещение (если блестящие мраморные полы и со вкусом оформленные серые стены можно назвать простыми) заполнено тринадцатую полноразмерными скульптурами, свободно расставленными по периметру. По одной в честь каждого члена Тринадцати – группы, правящей Олимпом. Я мысленно называю имена каждого, переводя взгляд с одной статуи на другую: Зевс, Посейдон, Гера, Деметра, Афина, Арес, Дионис, Гермес, Артеми-

да, Аполлон, Гефест, Афродита. Поворачиваюсь лицом к последней статуе. Она накрыта черной тканью, которая скрывает ее очертания и собирается на полу у ног. Но даже под ней невозможно не разглядеть широкие плечи и остроконечную корону, украшающую его голову. Пальцы так и чешутся от желания схватить ткань и сорвать ее, чтобы наконец-то увидеть черты его лица.

Аид.

Через несколько коротких месяцев я отвоюю у этого города свою свободу, сбегу и больше не вернусь. Другой возможности увидеть лицо призрака Олимпа у меня не будет.

– Разве не странно, что на его место так никого и не назначили?

Психея смеется.

– Сколько раз мы уже это обсуждали?

– Да брось. Сама знаешь, что это странно. Они – Тринадцать, но их всего двенадцать. Аида нет. И уже очень давно.

Аид – правитель нижнего города. Или, по крайней мере, был им. Это наследуемый титул, а весь его род давным-давно угас. Теперь нижний город формально находится под властью Зевса, как и все мы. Но, насколько я слышала, он никогда не был по другую сторону реки. Пересечь реку Стикс, как и покинуть Олимп, сложно по одной причине: по слухам, при переходе через преграду возникает чувство, будто голова вот-вот взорвется. Никто не захочет переживать подобное по собственной воле. Даже Зевс.

Тем более я сомневаюсь, что люди в нижнем городе станут угождать ему, как это делает каждый житель верхнего. Такие неудобства и никакой отдачи? Неудивительно, что Зевс старается не переходить реку, как и все мы.

– Аид единственный никогда не бывал в верхнем городе. Оттого мне кажется, что он был не таким, как все остальные.

– Не был, – невозмутимо отвечает Психея. – Легко это вообразить, когда он мертв, а титула больше не существует. Но все из Тринадцати одинаковые, даже наша мать.

Она права – знаю, что права, – но не могу перестать фантазировать. Протягиваю руку, но замираю, не успев дотронуться до лица статуи. К его утраченному наследию меня влечет одно лишь нездоровое любопытство, и оно не стоит тех неприятностей, в которые я попаду, если поддамся соблазну сорвать темную вуаль. Я опускаю руку.

– Что мать задумала сегодня?

– Не знаю, – вздыхает она. – Хотелось бы мне, чтобы Каллисто была здесь. Она, по крайней мере, могла бы ненадолго поставить мать на паузу.

Я и три мои сестры нашли разные способы приспособиться к тому, что наша мать стала Деметрой и мы попали в блистательный мир, существующий лишь для Тринадцати. Он настолько ярок и экстравагантен, что ему почти удастся отвлечь внимание от своего ядовитого нутра. Вариантов у нас было немного: приспособиться или пойти ко дну.

Я заставляю себя играть роль яркой, блистательной, все-

гда послушной дочери, тем самым давая Психее возможность вести себя тихо, спокойно и оставаться в тени. Эвридика на грани отчаяния цепляется за каждую частичку жизни и радостного волнения, что может найти. А Каллисто? Каллисто воюет с матерью с яростью, достойной арены. Она никогда не сломается и не прогнется, поэтому мать освобождает ее от этих обязательных мероприятий.

– И к лучшему, что не пришла. Если Зевс начнет подкапывать к Каллисто, она может попытаться его выпотрошить. Тогда нам и в самом деле придется отвечать за случившееся.

Единственный человек в Олимпе, который (по слухам) убивает без последствий – якобы – сам Зевс. Все остальные должны соблюдать законы.

Психея содрогается.

– Он к тебе приставал?

– Нет, – я мотаю головой, продолжая разглядывать статую Аида.

Нет, Зевс не прикасался ко мне, но на двух последних мероприятиях, на которых мы присутствовали, я постоянно чувствовала на себе его взгляд. Именно поэтому я пыталась отпроситься сегодня, но мама чуть ли не силой вытащила меня за дверь. Внимание Зевса не приносит ничего хорошего. Все всегда заканчивается одинаково: женщины разбиты, а Зевс уходит, избежав даже дурного заголовка, способного повредить его репутации. Против него лишь раз выдвинули обвинения несколько лет назад, но разыгрался такой скан-

дал, что женщина исчезла еще до того, как дело дошло до суда. Самый оптимистичный исход состоит в том, что ей каким-то образом удалось унести ноги из Олимпа, но более реалистичный – что Зевс добавил ее к предполагаемому списку жертв.

Нет, уж лучше избегать его в любом случае.

Что было бы значительно проще сделать, не будь моя мать одной из Тринадцати.

От знакомого энергичного стука каблуков по мраморному полу мое сердце начинает биться чаще. Мать всегда шагает так, будто рвется в бой. На миг я всерьез подумываю спрятаться за накрытой статуей Аида, но тут же отбрасываю эту мысль, пока мама еще не появилась в дверях галереи. Прячась, я только отсрочу неизбежное.

– Вот вы где!

Сегодня на ней темно-зеленое платье, которое струится по ее телу и отлично подходит роли матери-Земли. Мама решила, что этот образ лучше всего соответствует воплощаемому ей амплу женщины, которая следит за тем, чтобы город не голодал. Ей нравится, когда люди видят добрую улыбку и протянутую руку помощи, но не обращают внимания на то, что она с радостью расстреляет любого, кто встанет у нее на пути.

Мать останавливается перед собственной статуей. Скульптура щедро одарена изгибами и облачена в длинное платье, которое сливается с цветами, растущими у ее ног. На

голове цветочный венок, а улыбка на лице столь безмятежна, будто матушка познала все тайны вселенной. Как-то раз я застала ее, когда она оттачивала перед зеркалом такое выражение лица.

Мама поворачивается к нам, изогнув губы в улыбке, но ее глаза остаются холодными.

– Вы должны общаться с людьми.

– У меня болит голова. – Под этим предлогом я пыталась отвертеться от присутствия на сегодняшнем мероприятии. – Психея просто справлялась о моем самочувствии.

– Хм, – качает головой мама. – Вы обе становитесь такими же бестолковыми, как и ваши сестры.

Знала бы я, что быть бестолковой – самый верный способ избежать маминого вмешательства в мою жизнь, то взялась бы именно за эту роль вместо выбранной. Теперь слишком поздно менять линию поведения, но при мысли о том, чтобы вернуться на вечеринку, головная боль, которую я симулировала, начинает и правда меня беспокоить.

– Я сегодня уйду пораньше. Кажется, боль скоро превратится в мигрень.

– Ни в коем случае, – она говорит вполне любезно, но в ее голосе слышатся стальные нотки. – Зевс хочет с тобой поговорить. Совершенно незачем заставлять его ждать.

Мне на ум приходит как минимум дюжина отговорок, но я знаю, что мама не станет выслушивать ни одну из них. И все же нужно попытаться.

– Знаешь, ходят слухи, что он убил всех трех бывших жен.

– Так хлопот меньше, чем с разводом.

Я хлопаю глазами. Искренне не могу понять, шутит она или нет.

– Мама...

– Ой, да расслабься. Ты слишком напряжена. Поверьте, девочки. Мне лучше знать.

Мама, вероятно, самый умный человек, которого я знаю, но ее цели не мои цели. И все же простого выхода из ситуации нет, и я послушно иду за ней из зала бок о бок с Психеей. На миг мне кажется, будто я спиной чувствую напряженный взгляд статуи Аида, но это фантазия чистой воды. Аид – утраченный титул. А даже будь это не так, моя сестра права: он был бы точно таким же, как и все остальные.

Мы выходим из галереи и возвращаемся на вечеринку по длинному коридору. Он ровно такой же, как и все в башне Додона: огромный, дорогой и чрезмерный. Коридор как минимум вдвое шире, чем нужно, а каждая дверь, мимо которой мы проходим, почти на полметра выше обычной. Бордовые шторы висят от потолка до пола и стянуты по обеим сторонам от дверей – дополнительный экстравагантный штрих, который в этом помещении ни к чему. Возникает ощущение, будто ты во дворце, а не в небоскребе, возвышающемся над верхним городом. Можно подумать, кто-то рискует забыть, что Зевс величает себя современным королем. Честно признаться, я удивлена, что он не разгуливает с короной на го-

лове под стать своей статуе.

Банкетный зал под стать всему остальному в этом здании. Огромное открытое пространство, одна стена которого – это окна и несколько стеклянных дверей, ведущих на балкон с видом на город. Мы находимся на верхнем этаже башни, и вид отсюда открывается поистине великолепный. С этого места можно увидеть большую часть верхнего города и извилистую черную полосу – иными словами, реку Стикс. А что же на другой стороне? Нижний город. Внешне он не так уж сильно отличается от верхнего, однако может с тем же успехом быть на Луне: все равно большинству из нас до него не добраться.

Этим вечером балконные двери плотно закрыты, чтобы ледяной ветер никому не причинил беспокойства. А темнота превратила стекла в искаженное отражение зала. Все одеты с иголочки, пестрят радугой дизайнерских платьев и смокингов, сверкают адски дорогими украшениями. По мере того, как люди продвигаются сквозь толпу, общаются, заводят знакомства и источают прекрасный яд с покрашенных красной помадой губ, в балконных стеклах рождается тошнотворный калейдоскоп. Это напоминает мне кривые зеркала в комнате смеха. В отражении все не то, чем кажется, несмотря на всю мнимую красоту.

Оставшиеся три стены увешаны огромными портретами двенадцати активных членов Тринадцати. Все картины написаны маслом, согласно традиции, корнями уходящей ко

временам возникновения Олимпа. Можно подумать, Тринадцать действительно считают себя подобными монархам прошлого. С несколькими портретами художник явно позволил себе вольность. В особенности молодая версия Ареса совсем не похожа на самого человека. Возраст, конечно, меняет людей, но его челюсть никогда не была такой квадратной, а плечи широкими. К тому же художник запечатлел его с огромным мечом в руке, а я точно знаю, что этот Арес завоевал свое положение повиновением на арене, а не на войне. Но это, полагаю, не способствует столь величественному образу.

Лишь определенный тип людей способен сплетничать, вертеться в обществе себе подобных и наносить удары в спину, пока их копия наблюдает за ними с портрета, но среди Тринадцати полно таких монстров.

Мама пробирается сквозь толпу, оставаясь совершенно расслабленной среди прочих акул. Прослужив почти десять лет в должности Деметры, она все еще считается одной из новейших членов Тринадцати, но уже привыкла к этому миру настолько, будто была рождена Деметрой, а не выбрана народом, как это обычно происходит.

Толпа расступается перед матерью, и, следуя за ней в смешение ярких цветов, я чувствую, что все смотрят на нас. Чрезмерным вниманием к своей внешности ради подобных мероприятий эти люди напоминают павлинов, но на остальных они смотрят холодными, безжалостными глазами.

В этом помещении у меня нет друзей. Только люди, стремящиеся использовать меня в качестве стремянки, по которой могут вскарабкаться на пути к большей власти. Этот жестокий урок я усвоила рано.

Два человека отходят у мамы с пути, и краем глаза я вижу угол комнаты, от которого всеми силами стараюсь держаться подальше всякий раз, как здесь бываю. Там расположен самый настоящий трон, безвкусная вещица из золота, серебра и меди. Его крепкие ножки плавными изгибами переходят в подлокотники, а спинка расширяется, производя впечатление грозовой тучи. Грозный и опасный, под стать владельцу, который желает, чтобы никто об этом не забывал.

Зевс.

Если Олимпом правят Тринадцать, то Тринадцатью правит Зевс. Это наследуемый титул, передающийся от отца к сыну, чей род корнями уходит к первым основателям города. Нынешний Зевс занимает свою должность уже несколько десятилетий с тех пор, как вступил в нее в тридцать лет.

Сейчас ему за шестьдесят. Думаю, он вполне привлекателен, если кому-то нравятся крупные белые мужчины с громогласным смехом, поседевшей бородой и грудью колесом. От его вида у меня бегут мурашки по коже. Каждый раз, когда он смотрит на меня своими блеклыми голубыми глазами, я чувствую себя животным на торгах. Да даже не животным. Симпатичной вазой или, может быть, статуэткой. Тем, чем можно *обладать*.

Если красивая ваза разобьется, ей легко найти замену. Во всяком случае, если ты Зевс.

Мама замедляет шаг, заставляя Психею отступить назад, и берет меня за руку. Крепко сжимает мою ладонь, молча предостерегая, чтобы я хорошо себя вела, но *ему* улыбается во весь рот.

– Посмотрите, кого я нашла!

Зевс протягивает руку, и мне ничего не остается, кроме как вложить в нее свою ладонь и позволить ему поцеловать костяшки пальцев. Его губы всего на миг касаются моей кожи, но волосы у меня на затылке встают дыбом. Я вынуждена бороться с желанием вытереть тыльную сторону ладони о платье. Наконец он отпускает мою руку. Инстинкт кричит мне об опасности.

Усилием воли я заставляю себя стоять на месте, чтобы не сорваться и не убежать. Мне все равно не удалось бы уйти далеко. Мама преграждает мне путь. И пестрая толпа наблюдает за развернувшимся действием, как стая стервятников, почуявших запах крови. Больше всего эта свора любит драму, и сцена с участием Деметры и Зевса будет иметь последствия, с которыми мне совсем не хочется столкнуться. В *лучшем* случае мать разозлится. А в худшем я рискую оказаться в заголовках желтой прессы, что доставит мне еще больше неприятностей. Разумнее просто переждать, пока не смогу уйти.

Улыбка Зевса кажется слишком теплой.

– Персефона. Ты прекрасно выглядишь сегодня.

Сердце бьется в груди, как птица, пытающаяся вырваться из клетки.

– Спасибо, – бормочу я.

Мне нужно успокоиться, умирить эмоции. У Зевса репутация человека, который наслаждается страданиями тех, кто слабее его. Я не доставлю ему удовольствия узнать, что он пугает меня. Это единственная моя сила в сложившейся ситуации, и я не стану от нее отказываться.

Он подходит ближе, вторгаясь в мое личное пространство, и понижает голос.

– Я рад, что мне наконец-то выпала возможность поговорить с тобой. Уже несколько месяцев я пытаюсь тебя поймать, – улыбаются лишь его губы, но не глаза. – Достаточно долго, чтобы я начал думать, что ты меня избегаешь.

– Конечно нет.

Мне не отступить назад, не толкнув при этом маму... но пару мгновений я всерьез рассматриваю такой вариант. Мать никогда мне не простит, если я устрою сцену на глазах у всемогущего Зевса. *Выкручивайся. Ты сможешь.* Выдавлив ослепительную улыбку, я начинаю повторять мантру, которая помогла мне пережить весь прошлый год.

Три месяца. Всего девяносто дней отделяют меня от свободы. Через девяносто дней я получу доступ к своему трастовому фонду и с его помощью сбегу из Олимпа. *Я могу это пережить. Я переживу.*

Зевс буквально лучится светом, весь превращается в теплую искренность.

– Знаю, что это не самый традиционный подход, но пора сделать объявление.

– Объявление? – моргаю я.

– Да, Персефона. – Мама подходит ближе, грозно на меня глядя. – Объявление.

Она пытается передать мне какое-то сообщение, но я никак не могу понять, о чем речь.

Зевс снова берет меня за руку, а мама чуть ли не толкает за ним в центр зала. Я бросаю безумный взгляд на сестру, но ее глаза так же широко распахнуты. Что происходит?

Люди замолкают, когда мы проходим мимо, а их взгляды тысячью игл вонзаются в мой затылок. В этом зале у меня нет друзей. Мать сказала бы, что я сама в этом виновата, раз не заводжу знакомств, хотя она неоднократно велела мне это исправить. Я пыталась. Правда, пыталась. А месяц спустя поняла, что здесь самые жестокие оскорбления произносятся приятными словами и сопровождаются милыми улыбками. Я сдалась, когда первое же приглашение на обед закончилось тем, что мои слова переврали и поместили в заголовки сомнительных газетенок. Мне никогда не удастся так же хорошо играть в эту игру, как собравшимся в этом зале гадюкам. Меня тошнит от фальшивых масок, двусмысленных оскорблений, слов и улыбок, за которыми последует удар ножом в спину. Я хочу жить нормальной жизнью, но это невозмож-

но, пока мать состоит в Тринадцати.

По крайней мере, это невозможно в Олимпе.

Зевс встает в центре зала и хватает бокал с шампанским, который совершенно нелепо выглядит в его большой руке, будто он собирается раздавить его одним грубым прикосновением. Он поднимает бокал, и гул последних голосов стихает. Зевс широко улыбается всем собравшимся. Легко понять, как он сохраняет преданность окружающих, несмотря на слухи, которые о нем ходят. Харизма сочится чуть ли не из его пор.

– Друзья, я был не до конца честен с вами.

– Ну надо же, – слышен чей-то возглас издалека, и по залу проходит волна смешков.

Зевс смеется вместе со всеми.

– Несмотря на то, что официально мы собрались, чтобы проголосовать по вопросу новых торговых соглашений с долиной Сабина, я также хотел бы сделать одно небольшое объявление. Мне уже давно пора найти новую Геру и восполнить наш состав. Я наконец-то сделал свой выбор. – Он смотрит на меня, и его взгляд – единственное предупреждение. Зевс произносит слова, после которых остается лишь наблюдать, как мои мечты о свободе сгорают дотла. – Персефона Димитриу, ты выйдешь за меня?

Я задыхаюсь. Его присутствие высосало из комнаты весь воздух, а свет горит слишком ярко. Я качаюсь на каблуках, оставаясь стоять благодаря одной лишь силе воли. Если упа-

ду, все вокруг набросятся на меня, как стая волков? Я этого не знаю, значит, нужно стоять. Я открываю рот, но не произношу ни звука.

Мать прижимается ко мне с другой стороны, широко улыбаясь и радостно восклицая:

– Конечно, выйдет! Это будет честью для нее. – Ее локоть впивается мне в бок. – Не правда ли?

Отказаться не вариант. Это *Зевс* – король во всем, кроме имени. Он всегда получает желаемое, и, если сейчас я унижу его перед самыми влиятельными людьми Олимпа, он заставит расплачиваться за это всю мою семью. Я проглатываю ком в горле.

– Да.

Раздаются одобрительные восклицания, и от их звука у меня кружится голова. Краем глаза замечаю, как кто-то снимает все на телефон, и даже не сомневаюсь, что в течение часа весть разлетится по интернету, а к утру будет на каждом новостном канале.

Люди подходят, чтобы поздравить нас (на самом деле, поздравить Зевса), и все это время он крепко держит меня за руку. Я смотрю на лица, которые движутся, как в тумане, и во мне поднимается волна ненависти. Им всем плевать на меня. Конечно, я это знаю. Знаю с тех пор, как впервые столкнулась с ними; с тех пор, как мы оказались в этом возвышенном кругу общения благодаря новому статусу матери. Но это уже совсем иная ступень.

Всем известно, какие о Зевсе ходят слухи. Всем. За время правления Тринадцатую он сменил трех Гер – трех жен.

Теперь уже *мертвых* жен.

Если я позволю этому мужчине надеть кольцо мне на палец, то можно с тем же успехом дать ему нацепить на меня ошейник с поводком. Я никогда не буду принадлежать самой себе, всегда буду лишь его дополнением, пока он не устанет и от меня тоже и не заменит ошейник гробом.

Я никогда не освобожусь от Олимпа. Пока Зевс не умрет и его титул не перейдет к старшему сыну. А до этого момента могут пройти годы. *Десятилетия*. И то, если допустить безумное предположение, что я проживу дольше него, а не окажусь в трех метрах под землей, как все остальные Геры.

Откровенно говоря, шансы у меня так себе.

Глава 2. Персефона

Вечеринка продолжается, но я ни на чем не могу сосредоточиться. Лица расплываются, цвета неразличимы, шум комплиментов стоит в ушах. В груди нарастает крик, вопль потери, которую я не в силах вынести, но я не могу дать ему волю. Уверена, что, начав кричать, не сумею остановиться.

Я потягиваю шампанское онемевшими губами, а рука дрожит так, что напиток плещется в бокале. Словно по волшебству, передо мной оказывается Психея, и, хотя пустое выражение ее лица неизменно на месте, глазами она мечет молнии в сторону нашей матери и Зевса.

– Персефона, мне нужно в уборную. Сходишь со мной?

– Конечно, – я едва узнаю свой голос.

Мне приходится чуть ли не силой вырвать пальцы из хватки Зевса. Я в состоянии думать лишь о том, как эти мясистые руки касаются моего тела. О боги, меня сейчас стошнит.

Психея выталкивает меня из банкетного зала, закрывая своим роскошным телом и пряча от поздравляющих, как личный охранник. Но в коридоре мне лучше не становится. Стены будто смыкаются вокруг меня. Я вижу отпечаток Зевса на каждом кусочке пространства. Если выйду за него, он и на мне оставит свои отпечатки.

– Мне нечем дышать. – Я жадно хватаю ртом воздух.

– Иди дальше. – Сестра спешно ведет меня мимо уборных,

затем за угол и к лифту.

За закрытыми дверьми клаустрофобия только усиливается, заточая нас в зеркальном пространстве. Я пристально вглядываюсь в свое отражение. Глаза кажутся огромными, а кожа совсем белой.

Мне трудно унять дрожь.

– Меня сейчас стошнит.

– Почти приехали, почти.

Как только двери распахиваются, Психея едва не выносит меня из лифта и ведет по очередному широкому мраморному коридору к черному ходу. Мы незаметно проскальзываем в один из немногочисленных закрытых дворов, окружающих здание, в небольшой, тщательно ухоженный сад, затаившийся среди большого города. Сейчас он спит под тонким слоем снега, который пошел, пока мы были внутри. Холод пронзает меня, как лезвие ножа, и я с радостью принимаю эту жгучую боль. Все лучше, чем еще один миг в том зале.

Башня Додона расположена в самом центре Олимпа. Это одно из немногих зданий, которыми владеют все Тринадцать, а не кто-то один из них, хотя всем прекрасно известно, что на самом деле она принадлежит Зевсу. Когда я была слишком юна и не понимала, что к чему, этот великолепный небоскреб казался мне чуть ли не волшебным.

Психея ведет меня к каменной скамейке.

– Опустить голову между коленями?

– Не поможет.

Мир от этого не перестанет вращаться. Мне нужно... не знаю. Я не знаю, что мне делать. Я всегда видела свой путь, сквозь года ведущий меня к главной цели. Он всегда был виден отчетливо. Получаю степень магистра в Олимпе в качестве компромисса для матери. Дожидаюсь двадцатипятилетия, забираю свой трастовый фонд и с помощью этих денег бегу из Олимпа. Пробриться через барьер, который отделяет нас от остального мира сложно, но возможно. Помощь нужных людей и деньги гарантируют, что так все и будет. И я стану свободной. Могу перебраться в Калифорнию и напишу диссертацию в Беркли. Новый город, новая жизнь, новое начало.

Но теперь я вообще ничего не вижу.

– Не могу поверить, что она это сделала. – Психея начинает расхаживать вперед и назад резко и агрессивно. Ее темные волосы, совсем как у нашей матери, колыхнутся с каждым шагом. – Каллисто ее прикончит. Она знала, что ты не захочешь в этом участвовать, но все равно заставила тебя.

– Психея... – Горло горит и сводит, в груди щемит еще сильнее. Меня будто посадили на кол, а я только сейчас заметила. – Он убил свою бывшую жену. Трех бывших жен.

– Ты не знаешь наверняка, – машинально отвечает она, но отказывается встречаться со мной взглядом.

– Даже если так... Мама знала, на что он, по всеобщему мнению, способен, но ей было все равно. – Я обхватываю себя руками, но и это не помогает унять дрожь. – Она продала

меня, чтобы упрочить свою власть. Она и так уже одна из Тринадцати. Почему ей этого мало?

Психея садится на скамью рядом со мной.

– Мы найдем выход. Просто нужно время.

– Он не даст мне времени, – отрешенно возражаю я. – Он будет заседать со свадьбой, как сделал с предложением. – Сколько у меня времени? Неделя? Месяц?

– Нужно позвонить Каллисто.

– Нет, – чуть ли не кричу я и стараюсь понизить голос. – Если скажешь ей, она примчится прямо сюда и устроит скандал.

Если дело дойдет до Каллисто, может статься, что она наорет на мать... или снимет с ноги туфлю на шпильке и попытается вонзить ее Зевсу в горло. В любом случае беды не миновать, а я не могу допустить, чтобы старшая сестра несла бремя моей защиты.

Мне придется самой разобраться, что делать дальше.

Так или иначе.

– Может, в сложившейся ситуации как раз не помешает устроить скандал.

Благослови Господь Психею, но она все еще ничего не понимает. У нас, как у дочерей Деметры, есть только два варианта: играть по правилам Олимпа или навсегда покинуть город. И только. Невозможно безнаказанно идти против системы, а наказание слишком жестоко. Если хоть одна из нас нарушит правила, то это скажется на всех, кто имеет к нам

отношение. Если до этого дойдет, даже мать, будучи одной из Тринадцати, нас не спасет.

Нужно выйти за него. Так я обеспечу сестрам хотя бы относительную безопасность в этом змеином гнезде. Это правильное решение, пусть даже мне становится дурно от одной только мысли о нем. Словно в ответ на это желудок сводит, и я едва успеваю добраться до ближайшего куста, когда меня тошнит. Я смутно осознаю, что Психея убирает мои волосы с лица и, успокаивая, гладит по спине.

Я должна это сделать... но не могу.

– Я не могу это сделать. – Когда произношу эти слова вслух, все кажется более реальным. Вытерев рот, я с усилием поднимаюсь на ноги.

– Мы что-то упускаем. Не может быть, чтобы мама выдала тебя замуж за человека, который может причинить вред. Она честолюбива, но любит нас. Она бы не стала подвергать нас опасности.

В былые времена я бы с ней согласилась. Но после этого вечера не знаю, во что верить.

– Я не могу это сделать, – повторяю я. – И не стану.

Психея роется в своей крохотной сумочке и предлагает мне пластинку жвачки. Я морщусь в ответ, и она пожимает плечами.

– Незачем отвлекаться на разящее рвотой дыхание, когда выступаешь с судьбоносным заявлением о своих намерениях.

Я беру у нее жвачку, и мятный вкус в самом деле слегка помогает мне успокоиться.

– Я не в силах это сделать, – произношу я снова.

– Да, ты уже говорила.

Она не уверяет меня, как невероятно сложно будет выпутаться из этой ситуации. И не перечисляет причины, почему борьба никогда ни к чему не приведет. Я просто женщина, в одиночку противостоящая всей мощи Олимпа. Нарушать правила – не вариант. Они поставят меня на колени, но не отпустят. Мне и так потребуются все доступные средства, чтобы выбраться из города. Но выбраться отсюда после того, как Зевс заявил на меня права? Не уверена, что это вообще возможно.

Психея берет меня за руку.

– Что ты собираешься делать?

В голове воеет паника. Во мне зарождается подозрение, что, вернувшись в это здание, я больше из него не выйду. Мысль кажется безумной, но я уже несколько дней испытывала странное чувство от того, как скрытно мама себя вела, и вот чем все обернулось. Нет, нельзя игнорировать свои инстинкты. Больше нельзя. А может, страх затуманивает мысли. Не знаю. Мне все равно. Знаю лишь, что возвращаться ни в коем случае нельзя.

– Можешь сходить за моей сумкой? – Я оставила сумку и телефон наверху. – И сказать маме, что мне нездоровится и я поеду домой?

Психея с готовностью кивает.

– Конечно. Сделаю все, что нужно.

Через десять секунд после ухода Психеи я осознаю, что, вернувшись домой, не решу ни одной проблемы. Мама придет за мной и отвезет обратно к новоиспеченному жениху, даже связав, если потребуется.

Тру лицо руками.

Я не могу поехать домой, не могу остаться здесь, не могу думать.

Вскочив на ноги, я разворачиваюсь ко входу во двор. Нужно дождаться возвращения Психеи, позволить ей разговорами довести меня до состояния, хотя бы отдаленно напоминающего спокойствие. Она хитрая, как наша мать; она сможет найти решение, если дать ей достаточно времени. Но, впуская сестру, я рискую навлечь наказание Зевса на нас обеих, как только он поймет, что я отчаянно не хочу становиться его женой. Если есть шанс уберечь сестер от последствий моих поступков, я им воспользуюсь. У матери с Зевсом не будет повода наказывать их, если они не станут помогать мне избежать этого брака.

Мне нужно бежать и сделать это в одиночку. Сейчас.

Я делаю шаг, потом еще один. Поравнявшись с массивной каменной аркой, ведущей на улицу, я почти останавливаюсь, почти позволяю нарастающему, безрассудному страху подвести меня, заставить вернуться и дать матери с Зевсом надеть ошейник, который им так хочется затянуть у меня на

шее.

Нет.

Даже само слово похоже на боевой клич. Я бросаюсь к выходу и выскакиваю на тротуар. Перехожу на быстрый шаг и по наитию сворачиваю к югу. Подальше от маминого дома. Подальше от башни Додона и собравшихся в ней злодеев. Если удастся отойти на какое-то расстояние, я смогу подумать. Вот что мне нужно. Если получится собраться с мыслями, смогу придумать план, как выкрутиться из этой заварухи.

Ветер усиливается, продувая мое тонкое платье, будто его вовсе нет. Ускоряю шаг, и стук каблуков по асфальту напоминает мне о матери и о том, что она сделала.

Мне наплевать, что Психея, вероятнее всего, права: у мамы наверняка есть свой план, по которому я не должна в буквальном смысле лишиться головы на плахе. Но ее планы ничего не меняют. Она не поговорила со мной, не доверилась мне, а попросту пожертвовала своей пешкой, чтобы подобраться к королю. Меня от этого тошнит.

Высокие здания в центре Олимпа слегка помогают спрятаться от ветра, но каждый раз, когда я перехожу дорогу, он налетает с севера и треплет подол платья. Несущийся с залива ветер еще холоднее, настолько ледяной, что больно вдохнуть. Хорошо бы спрятаться от стихии, но думать о том, чтобы вернуться в башню Додона, совершенно невыносимо. Лучше замерзнуть.

Эта нелепая мысль вызывает у меня хриплый смех. Да, вот

я им покажу. Ну конечно, если отморожу несколько пальцев на руках и ногах, матери и Зевсу от этого будет больнее, чем мне. Не могу понять, тронулась я умом от паники или от холода.

В центральной части Олимпа лоск наведен так же тщательно, как и в башне Зевса. Витрины всех магазинов оформлены в едином элегантном и минималистичном стиле. Металл, стекло и камень. Выглядит красиво, но абсолютно бездушно. О том, что именно скрывается за стеклянными дверями, сообщают лишь изящные вертикальные таблички с названиями компаний. Чем дальше от центра города, тем больше индивидуальности и колорита, но рядом с башней Додона Зевс контролирует все.

Интересно, если мы поженимся, он будет сам заказывать мне одежду, чтобы я точно соответствовала его эстетическому вкусу? Следить, чтобы парикмахеры создавали мне образ по его желанию? Знать, что я делаю, что говорю, что думаю? Я содрогаюсь от одной мысли об этом.

Пройдя три квартала, я вдруг понимаю, что слышу не только свои шаги. Обернувшись, вижу двух мужчин, отстающих от меня на полквартала. Прибавляю шаг, но они с легкостью подстраиваются. Они не пытаются меня нагнать, но я не могу избавиться от ощущения, что за мной охотятся.

В такой поздний час все магазины и компании в центре города закрыты. В паре кварталов отсюда играет музыка, а значит, еще где-то открыт бар. Возможно, там мне удастся ото-

рваться от хвоста и согреться между делом.

Еще раз сворачиваю налево и иду на звуки музыки. Снова обернувшись, вижу за собой только одного преследователя. Где же второй?

Но несколько секунд спустя, когда он появляется на ближайшем перекрестке слева от меня, я получаю ответ. Он не преграждает мне путь, но чутье подсказывает держаться от него как можно дальше. Сворачиваю направо, вновь направляясь к югу.

Чем дальше я от центра города, тем сильнее здания во круг выбиваются из однотипного облика. На улице начинает попадаться мусор. У некоторых компаний установлены решетки на окнах. На грязных дверях в паре мест даже висит знак о взыскании по закладной. Зевса волнует только то, что у него перед глазами, но, судя по всему, до этого квартала его взгляд не простирается.

Быть может, мои мысли путаются от холода, но я очень долго не замечаю, что незнакомцы теснят меня к реке Стикс. Неподдельный страх впивается в меня клыками. Если меня прижмут к берегу, я окажусь в ловушке. Верхний и нижний город соединяют только три моста, но ими никто не пользуется с тех пор, как умер последний Аид. Пересекать реку запрещено. Если верить легендам, это невозможно сделать, не заплатив при этом какую-то ужасную цену.

И то, если мне вообще удастся добраться до моста.

Ужас окрыляет меня. Я перестаю беспокоиться о том, как

больно ногам в этих жутко неудобных туфлях. Едва обращаю внимание на холод. Должен быть способ обойти моих преследователей и найти людей, которые смогут помочь.

У меня даже треклятого телефона нет.

Черт возьми, не стоило позволять эмоциям взять надо мной верх. Если бы я дождалась, когда Психея принесет мне сумку, ничего этого не случилось бы... Или случилось?

Время перестает иметь значение. Каждый резкий выдох, вырывающийся из моей груди, отмеряет секунды. Я не могу думать, не могу остановиться, я почти бегу. Боги, как же больно ногам.

Поначалу я едва различаю шум бурной реки. Его почти невозможно расслышать за моим громким дыханием. Но вот передо мной мокрая черная лента, слишком широкая и быстрая, чтобы можно было безопасно ее переплыть, даже будь на дворе лето. А зимой это и вовсе смертный приговор.

Я оборачиваюсь и вижу, что мужчины подобрались ближе. Мне не удастся рассмотреть их лица в темноте, и тут я осознаю, какой тихой стала ночь. Шум из бара превратился в еле слышный шепот в отдалении.

Никто не придет меня спасти.

Никто не знает, что я здесь.

Мужчина, стоящий справа – тот, что выше, – смеется, отчего мое тело пробивает дрожь, которая не имеет никакого отношения к холоду.

– Зевс хочет поговорить.

Зевс.

Неужели я думала, что хуже уже быть не может? Как глупо с моей стороны. Это не какие-то случайные злодеи. Их отправили за мной, как псов за сбежавшим зайцем. А я думала, что он будет стоять сложа руки и даст мне сбежать? Видимо, да, потому что шок окончательно лишает меня способности думать. Если остановлюсь, они схватят меня и вернут жениху. А он посадит под замок. Я ни капли не сомневаюсь, что другой возможности сбежать мне не предоставится.

Я не думаю. Не строю планов.

Я скидываю туфли и бегу со всех ног.

Позади меня слышатся брань и топот шагов. Слишком близко. Река изгибается, и я бегу вдоль берега. Даже не знаю куда. Прочь. Мне нужно убежать прочь. Все равно, как это выглядит со стороны. Я бы бросилась в ледяную реку, чтобы сбежать от Зевса. Все лучше, чем этот монстр, который правит верхним городом.

Передо мной возвышается Кипарисовый мост, древний каменный мост с колоннами вдвое шире и выше меня. Они образуют арку, которая выглядит так, будто ведет в другой мир.

– Стой!

Я не обращаю внимания на крик и бросаюсь в арку. Больно. Черт, все болит. Кожу щиплет, будто ее до крови сдирает какая-то невидимая преграда, а ступни режет, словно я бегу по стеклу. Наплевать. Я не могу остановиться, раз они так

близко. Я едва замечаю, как вокруг меня от волн на реке поднимается туман.

Уже на полпути через мост я замечаю, что на другом берегу стоит еще один человек. Он укутан в черное пальто и прячет руки в карманах. Туман кружит у его ног, как пес возле хозяина. Эта причудливая мысль лишь подтверждает, что со мной не все в порядке. Я теперь вообще за гранью нормы.

– Помогите! – Я не знаю, кто он, но наверняка этот незнакомец лучше тех, что меня преследуют. – Прошу, помогите! – Он не двигается.

Я замедляю шаг, тело наконец перестает слушаться от холода, страха и странной режущей боли, которую вызывает путь через мост. Споткнувшись, я чуть не падаю на колени и встречаюсь взглядом с незнакомцем. *Молю его.*

Кажется, он целую вечность смотрит на меня, стоя неподвижно, как укутанная в черное статуя. А потом будто делает выбор: подняв руку и простирая ко мне ладонь, он жестом подзывает меня пройти оставшийся участок реки Стикс. Наконец я оказываюсь достаточно близко, чтобы рассмотреть его темные волосы и бороду, вообразить глубину его мрачного взгляда. Тем временем странное гудящее напряжение вокруг меня словно рассеивается, позволяя без боли преодолеть последние шаги на другую сторону.

– Идем, – просто говорит он.

Где-то в пучине паники мой разум кричит, что это ужасная ошибка. Мне все равно. Собрав последние силы, я бегу

за ним.

Я не знаю, кто он, но предпочту любого, лишь бы не Зевса.
Любой ценой.

Глава 3. Аид

Эта женщина не с моей стороны реки Стикс. Уже этого должно быть достаточно, чтобы вынудить меня уйти, но я невольно замечаю, что она хромает. Бежит босиком без пальто посреди января. И в ее глазах мольба.

Не говоря о том, что ее преследуют двое мужчин, пытаюсь догнать, пока она не перебралась на мою сторону. Они не хотят, чтобы она перешла через мост, и это все, что мне нужно знать: они служат кому-то из Тринадцати. Обычные жители Олимпа не пересекают реку, а предпочитают оставаться на своих сторонах Стикс, даже не понимая, что именно вынуждает их повернуть назад, как только они приблизятся к одному из трех мостов. Но эти двое ведут себя так, будто осознают, что она окажется вне их досягаемости, как только ступит на этот берег.

Я машу рукой.

– Быстрее.

Она оглядывается, и исходящая от нее паника слышна так же отчетливо, как если бы девушка кричала. Их она боится больше, чем меня, что стало бы неожиданным открытием, если бы я не думал об этом так напряженно. Она почти поравнялась со мной, осталось пройти всего-то несколько метров.

Тогда-то я понимаю, что знаю ее. Я видел эти огромные

карие глаза и красивое личико на всех сайтах со сплетнями, где любят следить за Тринадцатую, их семьями и друзьями. Эта женщина – вторая дочь Деметры, Персефона.

Что она здесь делает?

– Пожалуйста, – вновь говорит девушка, задыхаясь.

Ей некуда бежать. Они на той стороне моста. Я на этой. Видимо, она и правда в отчаянии, раз перешла мост, преодолев невидимые барьеры, и доверяет свою безопасность такому, как я.

– Беги, – повторяю я.

Договор не позволяет мне приблизиться к ней, но как только она подойдет ко мне...

Мужчины позади нее ускоряют шаг и переходят на бег в попытке догнать ее, пока она не добежала до меня. Персефона замедляет шаг. Она прихрамывает, а значит, ранена. А может, просто измотана. И все равно решительно плетется дальше.

Я считаю расстояние, пока она его преодолевает. *Шесть метров. Пять. Три. Полтора.*

Они близко. Чертовски близко. Но правила есть правила, и даже я не в силах их нарушить. Она должна добраться до берега сама. Я смотрю на них и с мерзким ощущением узнаю. Я знаю этих людей, у меня уже давно есть на них досье. Два головореза, которые втихаря работают на Зевса, улаживая дела, свое участие в которых он предпочитает скрывать от преклоняющейся перед ним публики.

А раз они здесь, преследуют ее, значит, происходит что-то значительное. Зевс любит играть с добычей, но неужели он стал бы устраивать эту игру с одной из дочерей Деметры? Неважно.

Она почти вырвалась с его территории... и перешла на мою.

Едва Персефона ступает на эту сторону моста, я ловлю ее, обнимая за талию, разворачиваю кругом и прижимаю спиной к своей груди. В моих объятьях она кажется еще более хрупкой и миниатюрной, и во мне неспешно нарастает злость оттого, как она дрожит. Эти сволочи долго за ней гнались, изводя по его приказу. Несомненно, это какое-то наказание. Зевсу всегда нравилось загонять людей к Стикс, возвращая в них страх с каждым пройденным кварталом, пока они не окажутся в ловушке на берегу реки. Персефона одна из немногих, кто все же попытался перейти через мост. Нужно обладать внутренней силой, чтобы отважиться пересечь его без приглашения, не говоря уже о том, чтобы справиться с этой задачей. Это достойно уважения.

Но сегодня мы все играем свои роли, и даже если я не собираюсь причинять этой девушке вред, реальность такова, что она лишь козырная карта, попавшая мне прямо в руки. Я не могу упустить такую возможность.

– Не дергайся, – бормочу я.

Она замирает, но продолжает судорожно хватать воздух.

– Кто...

– Не сейчас.

Изо всех сил стараясь хоть на миг не обращать внимания на ее дрожь, я сжимаю горло Персефоны ладонью и жду, когда те двое нагонят. Я не причиняю ей боль, но слегка надавливаю, удерживая ее на месте – чтобы все выглядело убедительно. Она успокаивается. Не знаю, дело в интуитивном доверии, страхе или усталости, но это неважно.

Мужчины, спотыкаясь, останавливаются, не желая, да и будучи не в силах преодолеть оставшееся между нами расстояние. Я на берегу нижнего города.

Я не нарушил никаких правил, и им об этом известно. Тот, что справа, бросает суровый взгляд.

– У тебя женщина Зевса.

Персефона напрягается в моих руках, но я не обращаю внимания. Я ощущаю собственную ярость и вкладываю ее в ледяной тон своего голоса:

– Тогда он не должен был отпускать свою любимицу бродить так далеко от безопасного места.

– Ты совершаешь ошибку. Большую ошибку.

Неправда. Это не ошибка. Это возможность, которую я ждал тридцать гребанных лет. Шанс нанести удар прямо в сердце Зевсу и его блестящей империи. Забрать у него того, кто важен для него, точно так же, как он забрал у меня двух самых важных людей, когда я был ребенком.

– Теперь она на моей территории. Вы можете попытаться выкрасть ее, но последствия за нарушение договора будут на

вашей совести.

Им хватает ума понять, что это значит. Как бы сильно Зевс ни хотел вернуть свою женщину, даже он не может нарушить договор, не обрушив на себя гнев Тринадцати. Головорезы переглядываются.

– Он убьет тебя.

– Пусть попробует. – Я сверлю их взглядом. – Теперь она моя. Но обязательно передайте Зевсу, что я намерен сполна насладиться его неожиданным подарком. – Я закидываю Персефону на плечо и шагаю по улице вглубь своей территории. Сковывавшее ее оцепенение рассеивается, и девушка начинает сопротивляться, колотя меня кулаками по спине.

– Опустите меня на землю.

– Нет.

– Отпусти меня.

Я не обращаю внимания на ее протесты и быстрым шагом сворачиваю за угол. Как только нас становится не видно с моста, я ставлю ее на ноги. Женщина пытается замахнуться, что в других обстоятельствах меня бы повеселило. Боевой дух в ней сильнее, чем я ожидал от светской львицы, дочери Деметры. Я хотел позволить ей идти самой, но задерживаться ночью после такой стычки было бы ошибкой. Ее одежда для этого не годится, и всегда велик риск, что у Зевса есть шпионы на моей территории, которые могут доложить ему о случившемся.

У меня ведь есть шпионы на его территории.

Я скидываю пальто, закутываю в него Персефону и, прижав ей руки к бокам, застегиваю, пока она не начала сопротивляться. Девушка ругается, но я продолжаю путь, закинув ее обратно на плечо.

– Веди себя тихо.

– Да черта с два.

Мое терпение, которое и так на исходе, вот-вот лопнет.

– Ты замерзла и хромаешь. Помолчи и не дергайся, пока мы не зайдем внутрь.

Она не прекращает что-то бормотать себе под нос, но больше не пытается вырваться. Сейчас главная задача уйти подальше от реки. Сомневаюсь, что люди Зевса настолько глупы, что попытаются перебраться сюда, но сегодняшняя ночь уже преподнесла сюрпризы. Я-то знаю, что ничто нельзя принимать как само собой разумеющееся.

Расположенные возле реки здания неспроста разрушены и пусты. Тем проще поддерживать легенды о моем берегу, которые жители верхнего города любят рассказывать друг другу. Если эти великосветские придурки будут думать, что здесь нет ничего ценного, то оставят меня и моих людей в покое. Договор действует только до тех пор, пока Тринадцать находятся в согласии. Если однажды они решат объединиться и захватить нижний город, неприятностей не оберешься. Лучше всячески этого избегать.

Прекрасный был план до этого вечера. А теперь я разворошил осиное гнездо и обратно его уже не собрать. Женщи-

на, лежащая у меня на плече, либо станет орудием, с помощью которого я наконец-то свергну Зевса, либо моей гибелью.

Ободряющие мысли.

Едва я дохожу до конца квартала, как две тени отделяются от зданий по обеим сторонам улицы и идут в ногу со мной в нескольких метрах позади. Минфа и Харон. Я уже давно привык, что мои ночные странствия никогда не проходят в полном одиночестве. Даже когда я был ребенком, никто не пытался меня остановить. Они просто следили, чтобы я не попал в неприятности, из которых не смогу выбраться. Когда я наконец принял власть в нижнем городе и мой опекун ушел в отставку, он передал мне контроль над всем, за одним этим исключением.

Более мягкий человек предположил бы, что мои люди делают это заботы ради. Возможно, отчасти это так. По большому счету, если я умру, не оставив наследника, тщательно поддерживаемый баланс Олимпа пошатнется и рухнет. Глупцы в верхнем городе даже не осознают, насколько я важный винтик в их машине. Негласный, непризнанный... но мне так больше по вкусу.

Не случается ничего хорошего, когда Тринадцать устремляют сюда свои золотые глаза.

Я срезаю путь через переулок, затем через другой. Некоторые области нижнего города выглядят, как и остальной Олимп, но не эта. В воздухе стоит смрад до небес, под но-

гами хрустит стекло. Тот, кто увидел только фасад, не заметит тщательно спрятанные камеры, расположенные так, чтобы охватывать пространство со всех сторон.

Никто не приблизится к моему дому без ведома моих людей. Даже я сам, хотя уже давно освоил пару трюков на случай, когда мне действительно нужно побыть одному. Я поворачиваю налево и шагаю к невзрачной двери, спрятанной в такой же невзрачной кирпичной стене. Бросаю быстрый взгляд в крошечную камеру, установленную под углом в верхней части двери, и замок со щелчком открывается под моей ладонью. Я тихо закрываю за собой дверь. Минфа и Харон прочешут местность и убедятся, что двум несостоявшимся незванным гостям не придут в голову никакие дурацкие затеи.

– Теперь мы внутри. Опusti меня. – Голос у Персефоны такой же холодный, как у любой придворной принцессы.

Я спускаюсь по узкой лестнице.

– Нет.

Здесь темно, путь освещает только блеклая подсветка на полу. Когда я спускаюсь в подземелье, воздух становится до умопомрачения холодным. Теперь мы полностью под землей, а в туннелях мы не замораживаемся с климат-контролем. Они нужны, чтобы легко перемещаться или сбежать в последний момент, а вовсе не для комфорта. Девушка дрожит у меня на плече, и я рад, что потратил время и укутал ее в пальто. Я не смогу осмотреть ее раны, пока мы не ока-

жемся дома, а чем быстрее это произойдет, тем будет лучше для всех.

– Опusti. Меня.

– Нет, – вновь возражаю я.

Я не буду понапрасну сотрясать воздух, объясняя, что она не чувствует боли из-за всплеска адреналина. Но почувствует, как только он стихнет. Ее ноги разбиты до крови. Не думаю, что у нее переохлаждение, но неизвестно, сколько она пробыла на улице в зимнюю ночь в этой жалкой пародии на платье.

– И часто ты похищаешь людей?

Я ускоряю шаг. Острая ярость стихла, и на смену ей пришло спокойствие, в котором начала зарождаться тревога. Возможно, у нее шок, а это будет совсем некстати. У меня есть свой врач, но чем меньше людей знает, что Персефона Димитриу сейчас в моих руках, тем лучше. По крайней мере, пока я не придумаю, как воспользоваться этим неожиданным подарком.

– Ты меня слышал? – Она слегка ерзает. – Я спросила, часто ли ты похищаешь людей.

– Тише. Мы почти на месте.

– Это не ответ. – Наступает несколько секунд блаженной тишины, и она снова тараторит: – Хотя меня никогда раньше не похищали, так что, наверное, глупо ждать от похитителя ответ насчет его прежнего опыта.

Она говорит весьма бодро. Однозначно в шоке. Не стоит

продолжать этот разговор, но неожиданно для самого себя я отвечаю.

– Ты прибежала ко мне. Вряд ли это можно назвать похищением.

– Разве? Я убегала, спасаясь от преследователей. Был ты там или нет, роли не играет.

Она может говорить, что хочет, но я видел, как она устремилась прямиком ко мне. Персефона хотела моей помощи. Нуждалась в ней. И я не смог ей отказать.

– Ты чуть ли не бросилась в мои объятия.

– Меня преследовали. Ты казался меньшим из двух зол. – Наступает крохотная пауза. – Я начинаю задаваться вопросом, не совершила ли чудовищную ошибку.

Пробираюсь по лабиринту туннелей к другой лестнице. Она в точности такая же, как и та, по которой я только что спустился, вплоть до бледной подсветки на каждой ступеньке. Я перепрыгиваю через две за раз, не обращая внимания на слабые вздохи, которые девушка издает, когда мое плечо впивается ей в живот. И вновь дверь открывается, едва я к ней прикасаюсь, разблокированная дежурным охранником. Замедляю шаг, чтобы убедиться, что дверь надежно закрылась за мной.

Персефона слегка вертится у меня на плече.

– Винный погреб. Такого я не ожидала.

– А что, этой ночью был момент, которого ты ожидала? – Я проклиная себя за то, что задал этот вопрос, но она ве-

дет себя настолько невозмутимо, что во мне разгорается искреннее любопытство. Тем более если она и впрямь на грани переохладения, то поддерживать с ней разговор – мудрое решение.

Ее необычайно бодрый голос стихает почти до шепота.

– Нет. Я ничего этого не ожидала.

Меня мучает чувство вины, но я пренебрегаю им с давным-давно отточенной легкостью. Преодолев еще один лестничный пролет из винного погреба, я останавливаюсь в прихожей своего дома. Проведя короткую мысленную дискуссию, направляюсь на кухню. Средства для оказания первой помощи припрятаны во многих комнатах по всему зданию, но две самых больших аптечки хранятся на кухне и в моей спальне. Кухня ближе.

Я распахиваю дверь и резко останавливаюсь.

– Что вы оба здесь делаете?

Гермес замирает, держа в своих маленьких ручках две бутылки моего лучшего вина. Одаривает меня обаятельной, совершенно пьяной улыбкой.

– В башне Додона была скучнейшая вечеринка. Мы рано отчалили.

Дионис стоит, сунув голову в мой холодильник, и становится ясно, что он уже пьян, или под кайфом, или залил в себя смесь и того, и другого.

– У тебя самые вкусные закуски, – говорит он, не отвлекаясь от набега на мою еду.

– Сейчас неподходящее время.

Гермес хлопает глазами за стеклами огромных очков в желтой оправе.

– Ну Аид.

Женщина на моем плече вздрагивает, будто ее ударило током.

– Аид?

Гермес вновь моргает и смахивает с лица облако черных кудрей.

– Это я так сильно пьяна, или у тебя на плече и правда лежит Персефона Димитриу, будто вы собрались устроить сексуальную ролевую игру про ограбление?

– Быть этого не может. – Дионис наконец выглядывает с пирогом, который моя домработница оставила в холодильнике. Ест прямо из контейнера. Хоть бы вилку взял. В бороде у него крошки, а усы завиты только с одной стороны, будто он разгладил их рукой. Он хмуро смотрит на меня. – Ладно, наверное, может. Или в травку, которую я перед выходом курил во дворе с Еленой, было что-то подсыпано.

Даже если бы они не сказали, что приехали прямиком с вечеринки, их одежда говорила сама за себя. На Гермес короткое платье, которое могло бы с успехом заменить диско-шар, отражая маленькие искорки от ее темной кожи. Дионис, вероятно, начал вечер в костюме, но теперь остался в белой футболке с треугольным вырезом, а на моем кухонном столе сейчас лежит груда одежды, явно состоящая из его

пиджака и рубашки.

Персефона замирает у меня на плече. Даже не уверен, дышит ли она. Во мне зарождается идея развернуться и уйти, но по прежнему опыту я знаю, что эти двое попросту пойдут за мной и будут засыпать вопросами, пока я не разозлюсь и не сорвусь на них.

Лучше сразу с этим покончить.

Сажаю Персефону на край стола и придерживаю рукой за плечо, чтобы она не упала. Она смотрит на меня, хлопая своими большими карими глазами, и ее тело сотрясает легкая дрожь.

– Она назвала тебя Аидом.

– Это мое имя. – Я замолкаю. – Персефона.

Гермес смеется и с громким звоном ставит бутылки с вином на стол. Затем указывает на себя.

– Гермес. – Показывает на него: – Дионис. – Смеется снова. – Хотя это ты и так знаешь.

Она прислоняется к моему плечу и громко шепчет:

– Персефона скоро выйдет замуж за Зевса.

Я медленно поворачиваюсь и смотрю на Гермес.

– Что? – Я знал, что она наверняка важна Зевсу, раз он отправил за ней своих людей, но брак? Это означает, что в моих руках следующая Гера.

– Ага. – Гермес вынимает пробку из бутылки и делает щедрый глоток прямо из горла. – Сегодня объявили об этом. Ты только что выкрал невесту самого могущественного че-

ловека в Олимпе. Хорошо, что они еще не женаты, иначе ты бы похитил одну из Тринадцати. – Она хихикает. – Вот так коварство, Аид. Не знала, что ты на такое способен.

– А я знал. – Дионис пытается съесть еще один кусок пирога, но никак не может донести вилку до рта, она все время путается в его в бороде. Он моргает, глядя на прибор, будто тот во всем виноват. – Он же призрак, в конце концов. Таковую репутацию не заработаешь, не обладая хоть каплей коварства.

– Хватит об этом. – Я достаю телефон из кармана. Нужно осмотреть Персефону, а я не могу сделать это, пока обдумываю ответы на лавину вопросов, которую задают эти двое.

– Аид! – хнычет Гермес. – Не выгоняй нас. Мы только пришли.

– Я вас не приглашал. – Хотя это не мешает им пересекать реку, когда заблагорассудится. Отчасти дело в Гермесе, которая в силу своего положения может идти, куда пожелает и когда пожелает. У Диониса формально действует постоянное приглашение, но оно предназначалось только для деловых целей.

– Ты никогда нас не приглашаешь. – Она надувает губы, накрашенные красной помадой, которую умудрилась не размазать. – Можно подумать, что мы тебе не нравимся.

Я отвечаю ей взглядом, какого заслуживает это утверждение, и набираю Харона. Он уже должен вернуться. И, конечно, он быстро отвечает.

– Да?

– Здесь Гермес с Дионисом. Пришли кого-нибудь проводить их в комнаты.

Я мог бы бросить их в машину и отправить домой, но с этими двумя нет никакой гарантии, что им не взбредет в голову вернуться или принять какое-нибудь еще более сомнительное решение. В последний раз, когда я отправил их домой, они отпустили моего водителя и попытались устроить пьяный заплыв по реке Стикс. Если они останутся под моей крышей, я хотя бы смогу приглядывать за ними, пока не протрезвеют.

Я осознаю, что Персефона смотрит на меня так, будто я отрастил рога, но позаботиться об этой паре идиотов – моя первостепенная задача. Приходят двое моих людей и уводят их прочь, и то только после напряженных переговоров, после чего они забирают с собой пирог и вино.

Как только за ними закрывается дверь, я вздыхаю.

– Это вино по тысяче долларов за бутылку. Она так пьяна, что даже вкуса не разберет.

Персефона издает странный икающий звук и, сбросив пальто, которое успела расстегнуть, пока я отвлекся, дает деру. Я так удивлен, что просто стою и смотрю, как она пытается доковылять до двери. Она хромает.

Красное пятно, растекающееся по полу вслед за ней, выводит меня из оцепенения.

– Какого черта ты творишь?

– Ты не можешь держать меня здесь!

Я хватаю ее за талию, несу обратно к кухонному островку и сажаю на столешницу.

– Ведешь себя как бестолочь.

Большие карие глаза сердито смотрят на меня.

– Ты похитил меня. Пытаться сбежать – весьма разумное решение.

Обхватив рукой лодыжку, я приподнимаю ее ногу, чтобы хорошенько осмотреть. И только когда Персефона пытается придержать платье на месте, я понимаю, что, наверное, мог бы сделать все иначе. Ну ладно. Осторожно касаюсь ее ступни и показываю ей окровавленный палец.

– У тебя кровь.

На ступне виднеется несколько глубоких порезов, но я не могу сказать, нужно ли накладывать швы.

– Тогда дай мне поехать в больницу, и я с этим разберусь.

Она и впрямь настойчива. Я сильнее сжимаю ее лодыжку. Девушка все еще дрожит. Черт возьми, у меня нет времени на споры.

– Допустим, я так и сделаю.

– Ну так сделай.

– Думаешь, тебе удастся хоть на пару метров пройти в здание больницы, пока сотрудники не позвонят твоей матери? – Я выдерживаю ее пристальный взгляд. – Позвонят твоему... жениху?

Она вздрагивает.

– Я что-нибудь придумаю.

– Как я и говорил, ведешь себя глупо. – Я качаю головой. –

А теперь посиди спокойно, пока я проверяю, не остались ли в ране стекла.

Глава 4. Персефона

Он настоящий.

Я знаю, что должна кричать, или драться, или пытаться добежать до ближайшего телефона, но все еще стараюсь примириться с той мыслью, что *Аид существует*. Все уши сестрам прожужжу. Я знала, что была права.

К тому же теперь паника стала ослабевать, и я понимаю, что мне не в чем его винить. Может, он и припугнул меня перед людьми Зевса, но в противном случае меня бы утащили обратно в башню Додона. Да, возможно, на животе теперь навсегда останется отпечаток его плеча, но, судя по тому, что он не перестает на меня рычать, я поранила ноги.

Не говоря уже о том, что осторожность, с которой он промывает мои раны, совсем не подтверждает слух о том, что Аид – монстр. Монстр бросил бы меня на произвол судьбы.

Он... нечто иное.

Он стройный и сильный, а на его пальцах виднеются шрамы. Густая борода и темные волосы длиной до плеч лишь подчеркивают его внушительность. Темные глаза холодны, но не жестоки. Просто, похоже, он так же раздражен на меня, как и на Гермес с Дионисом.

Аид вытаскивает крошечный кусочек стекла и бросает его в миску, которую поставил рядом. Смотрит на осколок таким сердитым взглядом, будто тот оскорбил его мать или пнул

собаку.

– Не дергайся.

– Я не дергаюсь.

Во всяком случае, пытаюсь. Мне больно, и я никак не могу унять дрожь, хотя он снова накинул пальто мне на плечи. Чем дольше я сижу, тем большее становится, будто тело только сейчас начинает осознавать, в какие неприятности мы попали. Не могу поверить, что я сбежала, что зашла так далеко сквозь темноту и холод и оказалась здесь.

Нечего даже думать об этом. Впервые в жизни у меня нет плана или четкого продуманного списка, как попасть из пункта А в пункт Б. Я в состоянии свободного падения. Мать убьет меня, когда выследит. Зевс... Я содрогаюсь. Мама будет угрожать, что выбросит меня из окна или упьется до смерти, но Зевс действительно может причинить мне вред. И кто его остановит? Кто достаточно силен, чтобы его остановить? Никто. Если бы кто-то мог остановить этого монстра, последняя Гера была бы жива.

Аид замирает с парой пинцетов в руках и вопросительно смотрит на меня.

– Ты дрожишь.

– Нет, не дрожу.

– Твою мать, Персефона. Ты дрожишь как осиновый лист.

Нельзя просто сказать, что это не так, и ждать, будто я поверю, хотя собственными глазами вижу, как все обстоит на самом деле.

Его пронизывающий взгляд и впрямь выразителен, но я так оцепенела, что ничего не чувствую. Просто сижу и смотрю, как он идет к двери в углу комнаты и возвращается с двумя толстыми одеялами. Затем кладет одно из них на стол рядом со мной.

– А сейчас я тебя приподниму.

– Нет. – Сама не знаю, почему спорю. Мне холодно. Одеяла помогут согреться. Но, похоже, я не могу сдержаться.

Аид пристально смотрит на меня.

– Не думаю, что у тебя переохлаждение, но если не согреешься в ближайшее время, этим все и закончится. Было бы чертовски досадно, если бы мне пришлось согреть тебя теплом своего тела.

Смысл сказанного доходит до меня только несколько долгих мгновений спустя. Разумеется, он ведь не о том, что раздел бы нас обоих и обнимал меня, пока я не согреюсь. Я сверлю его взглядом.

– Ты бы не стал.

– Конечно, стал бы. – Он бросает на меня сердитый взгляд. – Мне от тебя не будет никакой пользы, если ты умрешь.

Я не обращаю внимания на неистовый порыв уличить его в том, что он блефует, и поднимаю руку.

– Я могу двигаться самостоятельно.

Отчетливо ощущаю его пристальный взгляд: я приподнимаюсь и пересаживаюсь с гранитной столешницы на одеяло.

Аид, не теряя времени, заворачивает меня во второе одеяло, укрывая каждый сантиметр обнаженной кожи до самых лодыжек. И только после этого продолжает вынимать осколки из моих ступней.

Черт бы его побрал, но в одеяле и впрямь приятно. Тепло сразу же проникает в мое тело, прогоняя холод, сковавший все внутри. Дрожь усиливается, но я понимаю, что это хороший знак.

Отчаянно пытаюсь отвлечься, я сосредотачиваю внимание на мужчине возле моих ног.

– Последний Аид умер. Все считают тебя мифом, но Гермес с Дионисом с тобой знакомы.

Они были на вечеринке, с которой я сбежала, – вечеринке в честь моей... помолвки. Но я знаю их не лучше, чем остальных из Тринадцати. Иначе говоря, я совсем их не знаю.

– В чем заключается вопрос? – Он вынимает еще один осколок и со звоном бросает его в миску.

– Почему тебя считают мифом? Какая-то бессмыслица. Ты один из Тринадцати. Ты должен...

– Я и есть миф. Ты спишь, – сухо говорит он и ощупывает мою ступню. – Острую боль чувствуешь?

Я моргаю.

– Нет. Только ноющую.

Он кивает, будто этого и ожидал. Я в оцепенении смотрю, как он накладывает бинты и продолжает промывать и пе-

ревязывать мои ноги. Я не... А может, он прав, и я правда сплю, потому что во всем этом нет ни малейшего смысла.

– Ты водишь дружбу с Гермес и Дионисом.

– Я ни с кем не вожу дружбу. Иногда они заглядывают ко мне, как бродячие коты, от которых невозможно отделаться.

Что бы он ни говорил, в его словах слышатся нотки нежности.

– Ты дружишь с двумя из Тринадцати. – Потому что он сам один из Тринадцати. Как моя мать. Как и *Зевс. О боги, Психея права, Аид так же ужасен, как и все остальные.*

На меня обрушиваются события этой ночи. Сцены вспышками сменяют друг друга. Зал скульптур. Скрытность матери. Рука Зевса хватает мою, когда он объявляет о помолвке. Полный ужаса бег вдоль реки.

– Они устроили мне засаду, – шепотом говорю я.

Аид поднимает взгляд, нахмутив выразительные брови.

– Гермес с Дионисом?

– Моя мать с Зевсом. – Не знаю, зачем рассказываю ему об этом, но никак не могу остановиться. Плотнее запахиваю одеяло и содрогаюсь. – Я не знала, что на сегодняшней вечеринке будет объявлено о нашей помолвке. Я не давала на нее согласия.

Я так измотана, что даже могу вообразить, будто вижу проблеск сочувствия на его лице, пока оно не сменяется раздражением.

– Взгляни на себя. Конечно, Зевс хочет пополнить тобой

свой длинный список Гер.

Конечно, он так подумал. Если Тринадцать чего-то хотят, то попросту берут это.

– Разве я виновата в том, что они так решили, даже не поговорив со мной, просто потому, что я так выгляжу? – Возможно ли, чтобы голова в буквальном смысле взорвалась? Сдается мне, я смогу это выяснить, если мы продолжим все это обсуждать.

– Это Олимп. Участвуешь в борьбе за власть – расплачиваешься за последствия. – Он заканчивает бинтовать вторую ступню и встает на ноги. – А порой ты расплачиваешься за последствия, даже если за власть борются твои родители. Можешь рыдать из-за несправедливости мира, а можешь что-то с этим делать.

– Я и делала.

Он фыркает.

– Ты сбежала, как перепуганная лань, и думала, что он не бросится в погоню? Милая, для Зевса это почти прелюдия. Он найдет тебя и притащит обратно в свой дворец. Ты выйдешь за него, как самая настоящая послушная дочка, а через год начнешь рожать его поганых детишек.

Я отвечаю ему пощечину.

Непроизвольно. По-моему, я еще ни разу в жизни не поднимала руку на человека. Даже на вызывающих раздражение младших сестер, когда мы были детьми. Я в ужасе смотрю на красную отметину, расцветающую на его щеке. Нужно изви-

ниться. Нужно... сказать что-то. Но, едва открыв рот, я произношу вовсе не извинения.

– Я лучше умру.

Аид долго смотрит на меня. Обычно мне легко удается понимать людей, но я не представляю, что таится в его глубоких, темных глазах. Наконец он произносит:

– Сегодня останешься здесь. Утром поговорим.

– Но...

Он берет меня на руки, словно принцессу, коей и назвал, и одаривает таким холодным взглядом, что я проглатываю любые свои возражения. Сегодня мне некуда идти, у меня нет ни сумки, ни денег, ни телефона. Я не могу позволить себе смотреть в зубы этому дареному коню, пусть даже он ворчлив и носит имя, которым родители на протяжении многих поколений пугали своих детей. Может, и не этим конкретным Аидом. Этому на вид от тридцати до тридцати пяти. А статусом Аида. Всегда в тени. Всегда занят темными делами, которые лучше совершать вдали от глаз нормально-го, безопасного мира.

Но разве он и вправду такой безопасный? Мать, по сути, выдала меня замуж за Зевса. Человека, которого реальные факты рисуют вовсе не всеми любимым славным королем, а бандитом, за которым тянется вереница мертвых жен. И это только жены. Кто знает, сколько еще женщин стали его жертвами за эти годы? Меня тошнит от одной только мысли об этом. Как ни крути, Зевс опасен, и это факт.

Напротив, все, что окружает Аида, – миф чистой воды. Никто из моих знакомых даже не верит в его существование. Все сходятся во мнении, что когда-то Аид действительно существовал, но его род, носивший этот титул, давно вымер. А это означает, что у меня нет почти никакой информации и об этом Аиде. Не уверена, что это лучший вариант, но сейчас я выберу даже человека в окровавленном плаще и с крюком вместо руки, лишь бы не Зевса.

Аид несет меня наверх по винтовой лестнице, которая выглядит в точности, как в готическом фильме. Честно говоря, все части его дома, которые я уже видела, точно такие же. Броские полы из темного дерева, лепнина под потолком, которая должна бы выглядеть жутко, но отчего-то создает иллюзию, будто преодолела время и реальность. Пол в коридоре второго этажа устлан ковром темно-красного цвета.

Тем легче скрыть следы крови.

Издаю истерический смешок и зажимаю рот ладонью. Это не смешно. Я не должна смеяться. Видимо, я в считанных секундах от того, чтобы тронуться умом.

Аид, естественно, не обращает на это внимания. Мы направляемся ко второй двери по левую руку, и, как только он заходит внутрь, во мне вновь просыпается инстинкт самосохранения. Я одна в спальне с опасным незнакомцем.

– Опустить меня.

– Не драматизируй. – Он не бросает меня на кровать, как я ожидала. А осторожно сажает на нее и так же осторожно

отступает назад. — Если зальешь мне полы кровью, пытаюсь сбежать, я буду вынужден выследить тебя и притащить обратно, чтобы ты их отмыла.

Я моргаю. Он практически озвучил мои мысли, отчего становится жутко.

— Ты самый странный человек из всех, кого я встречала.

Настал его черед одарить меня настороженным взглядом.

— Что?

— Вот именно. Что? Что это за угроза такая? Ты беспокоишься о своих полах?

— Здесь красивые полы.

Он что, шутит? Я бы так и подумала, будь это кто-то другой, но Аид стоит с тем же серьезным видом, с каким стоял на улице, словно какая-нибудь смерть с косой. Я бросаю на него хмурый взгляд.

— Я тебя не понимаю.

— Ты и не должна меня понимать. Просто побудь здесь до утра и постарайся не поддаться желанию покалечить себя еще сильнее. — Кивком головы он указывает на дверь в дальнем углу комнаты. — Ванная комната там. И вставай на ноги как можно меньше.

И он уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Я медленно считаю до десяти, а потом еще трижды повторяю отсчет. Никто не врывается, чтобы проверить меня, и я неторопливо ползу по кровати к телефону, который бесхитростно расположился на прикроватном столике. Слиш-

ком бесхитростно? Не сомневаюсь, что мне не удастся сделать звонок, не попав при этом под прослушку. Судя по тайным туннелям, Аид не из тех, кто оставит на виду что-то, похожее на брешь в системе безопасности. Наверное, это ловушка, придуманная специально для того, чтобы заставить меня выдать все свои секреты.

Но это не имеет значения.

Я боюсь Зевса. Зла на мать. Но не могу допустить, чтобы мои сестры продолжали сходить с ума от тревоги, не зная, где я.

Психея уже наверняка позвонила Каллисто, а если в моей семье и есть человек, который будет устраивать бесчинства по всему Олимпу, наживать врагов и сыпать угрозами, пока меня не найдут, так это моя старшая сестра. Само мое исчезновение и так уже разворошило осиное гнездо. Я не могу допустить, чтобы сестры усугубили ситуацию, которая и так уже превратилась в сущий кавардак.

Сделав глубокий вдох, который никак не помог мне собраться с духом, я хватаю трубку и набираю номер Эвридики. Она единственная из моих сестер, кто точно ответит на звонок с незнакомого номера. И, конечно, три гудка спустя я слышу ее запыхавшийся голос.

– Алло?

– Это я.

– Слава богам! – Звук ее голоса отдаляется. – Это Персефона. Да, да, я включу громкую связь. – Через секунду на

линии слышатся шумы, когда она включает динамик. — Каллисто и Психея тоже здесь. Где ты?

Я обвожу комнату взглядом.

— Вы мне не поверите, если скажу.

— А ты попробуй. — Категоричное заявление Каллисто подсказывает мне, что она вот-вот придумает, как пробраться через телефонную линию и придушить меня.

— Если бы знала, что ты сбежишь, как только я пойду за твоей сумкой, не оставила бы тебя одну. — Голос Психеи дрожит, будто она вот-вот расплачется. — Мать рвет верхний город на части, пытаюсь тебя найти, а Зевс...

Каллисто перебивает ее.

— К черту Зевса. И мать тоже к черту.

Эвридика ахает.

— Нельзя так говорить.

— А я сказала.

Вопреки здравому смыслу, их перебранка меня успокаивает.

— Со мной все хорошо. — Я бросаю взгляд на свои перебинтованные ноги. — В целом.

— Где ты?

Плана у меня нет, но я знаю, что не могу вернуться домой. Вернуться в дом матери — все равно что признать поражение и согласиться выйти за Зевса. Я не могу этого сделать. И не стану.

— Это не имеет значения. Домой я не вернусь.

– Персефона, – неспешно обращается Психея. – Я понимаю, что ты недовольна, но мы должны придумать вариант получше, чем убегать в ночь. Ты женщина, у которой всегда есть план, но вот именно сейчас у тебя его нет.

У меня нет плана. Я в свободном падении, отчего чувствую себя в опасности, а по спине от ужаса бежит дрожь.

– Планы могут измениться.

Все три сестры молчат, что случается редко, и мне жаль, что я не могу по достоинству оценить этот момент. Наконец, Эвридика спрашивает:

– Тогда зачем ты сейчас позвонила?

Хороший вопрос. Я не знаю.

– Просто хотела дать вам знать, что со мной все хорошо.

– Мы поверим, что с тобой все хорошо, когда узнаем, где ты. – Голос Каллисто по-прежнему звучит так, будто она готова прикончить любого, кто встанет между нами, и я выдавливаю улыбку.

– Персефона, ты просто исчезла. Все отчаянно ищут тебя.

Я перевариваю ее утверждение, тщательно его обдумывая. Все отчаянно меня ищут? Они уже говорили про маму, но я только сейчас связала факты в единое целое. Совершенно нелогично, что ей все еще неизвестно о моем местонахождении, потому что...

– Зевс знает, где я.

– Что?

– Его люди преследовали меня до Кипарисового моста. –

Я содрогаюсь от этой мысли. Не сомневаюсь, что им было поручено привести меня обратно, и они могли легко схватить меня в паре кварталов от башни Додона. Но предпочли преследовать, усилить мой страх и отчаяние. Ни один прислужник Зевса не посмел бы так поступить с его будущей невестой... если только сам Зевс не отдал им такой приказ. – Он делает вид, будто не знает, где я?

– Да. – Злость так и не исчезла из голоса Каллисто, но поухлила. – Он говорит, что собирает поисковые отряды, а мать суетится возле него, будто бы не приказала своим людям сделать то же самое. Он подключил и личный состав службы безопасности.

– Но зачем ему это делать, если он и так знает, где я?

Психея прокашливается.

– Ты сказала, что перешла через Кипарисовый мост.

Черт. Случайно сболтнула. Я закрываю глаза.

– Я в нижнем городе.

Каллисто усмехается.

– Это не должно иметь для Зевса никакого значения. – Сестра никогда не обращала внимания на слухи о том, что перейти реку почти невозможно, как и покинуть Олимп. Честно признаться, я тоже в это не верила, пока не ощутила то жуткое давление, когда перешла ее сама.

– Если только... – Эвридика совладала с эмоциями, и я буквально смогла представить, как проносятся мысли в ее голове. Она разыгрывает из себя взбалмошную девицу,

когда ей удобно, но на самом деле она, пожалуй, самая умная из нас. – Раньше город был разделен на три части. Зевса, Посейдона и Аида.

– Это было давно, – бормочет Психея. – Зевс и Посейдон теперь сотрудничают. А Аид – просто миф. Мы с Персефой как раз говорили об этом сегодня вечером.

– Если бы он не был мифом, то смог бы остановить Зевса. Каллисто фыркает.

– Вот только даже если бы он и существовал, то быть не может, чтобы он оказался не хуже Зевса.

– Это не так. – Слова вырываются вопреки всем моим попыткам удержать их. Черт побери, я не хотела приплетать сестер, но очевидно, что ничего не получится. Стоило догадаться об этом в тот же миг, как я набрала номер Эвридики. Идти, так до конца. Я прокашливаюсь: – Кем бы он ни был, он не так плох, как Зевс.

Голоса сестер сливаются, когда они хором выдают свое потрясение.

– Что?

– Ты ударилась головой, пока убегала от этих ублюдков?

– Персефона, твоя одержимость выходит из-под контроля.

Я вздыхаю.

– У меня нет галлюцинаций, и я не ударялась головой. – Лучше не рассказывать им о моих ногах или о том, что я до сих пор слегка дрожу даже после того, как меня укутали

в теплые одеяла. — Он существует и все это время был здесь.

Мои сестры вновь замолкают, обдумывая услышанное. Каллисто чертыхается.

— Люди бы узнали.

Должны были. Но тот факт, что все это время мы верили, будто он — вымысел, указывает на то, что некто более авторитетный захотел стереть память об Аиде с лица Олимпа. Все говорит о вмешательстве Зевса, ведь у кого еще есть власть повернуть нечто подобное? Возможно, у Посейдона, но ему плевать на все, что не касается моря и доков. Больше никто из Тринадцати не обладает такой же властью, какую имеют наследуемые титулы. Никто из них не посмел бы исключить титул Аида, по крайней мере, в одиночку.

С другой стороны, никто не говорит о том, как мало существует точек пересечения между верхним и нижним городом. Все просто принимается на веру. Даже я никогда не задавалась этим вопросом, хотя во всем, что касается Олимпа и Тринадцати, многое ставлю под сомнение.

В конце концов, Психея спрашивает:

— Что требуется от нас?

Я напряженно размышляю. Мне всего-то нужно продержаться до дня рождения, и тогда я буду свободна. Получу доступ к трастовому фонду, открытому нашей бабушкой, и мне больше никогда не придется полагаться ни на мать, ни на кого бы то ни было еще в Олимпе. Но не раньше моего двадцать пятого дня рождения. Сейчас у меня есть свои сбережения,

но на самом деле они мне не принадлежат.

Они принадлежат моей матери. Я могла бы попросить сестер привезти мне сумку, но мать уже наверняка заморозила мои счета. Она любит так делать, чтобы наказать нас, а уж после такого унижения точно позаботится о том, чтобы я к ней приползла. Кроме того, я не хочу, чтобы мои сестры оказались в нижнем городе, даже если им удастся перебраться через реку Стикс. Тем более что опасность будто бы подстерегает на каждом углу.

На самом деле, есть только одно решение.

– Я придумаю что-нибудь, но не вернусь. Не сейчас.

– Персефона, это не план. – Шумно выдыхает Каллисто. – У тебя нет ни денег, ни телефона, свободного от прослушки, и ты поселилась у призрака Олимпа, который к тому же один из Тринадцати. Он – само олицетворение опасности. Это полная противоположность плана.

Не могу с этим поспорить.

– Я что-нибудь придумаю.

– Нет уж. Давай-ка еще раз.

Психея откашливается.

– Если Эвридика сумеет отвлечь маму, мы с Каллисто сможем привезти тебе запасной телефон и деньги, которые у нас есть. Так у тебя хотя бы появится возможность во всем разобраться.

Меньше всего мне хочется втягивать в это сестер, но теперь уже поздно. Я облакачиваюсь на изголовье.

– Дайте подумать. Я позвоню завтра и расскажу подробнее.

– Так не...

– Люблю вас. Пока. – Вешаю трубку, пока они не придумали очередной аргумент для спора.

Это правильное решение, но я все равно чувствую, будто оборвала последнюю связь со своим прошлым. Я уже очень давно обдумывала способ сбежать из Олимпа, а значит, этот разрыв все равно должен был случиться, вот только я думала, что останется больше связи. Думала, что все равно смогу связаться с сестрами, не подвергая их при этом опасности. Думала, что по прошествии времени даже мама передумает и простит меня за то, что я отказалась быть пешкой в одном из ее замыслов.

Похоже, я ошибалась.

Обвожу комнату взглядом, чтобы отвлечься. Она такая же роскошная, как и другие части дома, что я успела увидеть. Большая кровать с темно-синим балдахином, которой гордилась бы любая принцесса. Паркетные полы, которые так любит Аид, устланы пышным ковром, и повсюду еще больше лепнины. Спальня такая же атмосферная, как и другие помещения в доме, но мало что говорят о человеке, которому принадлежат. Очевидно, это гостевая спальня, а потому сомневаюсь, что она что-нибудь поведаст мне об Аиде.

В этот момент мое тело решает напомнить, что я долго шла по холоду в этих ужасных туфлях, а потом босиком бе-

жала по стеклу и гравию. Ноги болят. Спина болит.

Ступни... Лучше о них не задумываться. Я так устала, что, возможно, даже сумею сегодня заснуть.

Снова оглядываю комнату. Быть может, Аид и не так плох, как Зевс, но рисковать нельзя. Осторожно поднявшись на ноги, я плетусь к двери. На ней нет замка, и я тихо ругаюсь. Ковыляю в ванную и едва не всхлипываю от облегчения, обнаружив, что на этой двери замок есть.

Пока я стаскиваю с кровати огромное одеяло и волоку его в ванную, кажется, что с каждой секундой мышцы каменеют все больше и тянут меня вниз. Ванна достаточно велика, чтобы в ней можно было поспать с комфортом или без него. После недолгих раздумий возвращаюсь в спальню и перетаскиваю приставной столик к входной двери. Так я хотя бы услышу, если кто-то сюда войдет. Довольная тем, что сделала все, что могла, я запираю дверь ванной комнаты и едва ли не падаю в ванну.

Утром у меня будет план. Я придумаю, что делать дальше, и случившееся перестанет казаться мне концом света.

Мне просто нужен план...

Глава 5. Аид

После нескольких часов беспокойного сна я спускаюсь на кухню в поисках кофе и застаю Гермес, которая уселась на кухонном столе и ест мороженое прямо из коробки. Резко останавливаюсь, слегка встревоженный тем обстоятельством, что на ней шорты, сделанные из старых джинсов, и свободная футболка, в которых она прошлым вечером совершенно точно не была.

– Ты хранишь одежду в моем доме.

– Естественно. Кто ж захочет таскать на себе дома шлейф пьяных приключений. – Она не глядя указывает назад. – Я поставила кофе вариться.

Слава богам за маленькие радости.

– Кофе с мороженым – то еще средство борьбы с похмельем.

– Тсс! – Она морщится. – Голова болит.

– Могу представить, – бормочу я и беру нам обоим кружки. Наполняю одну из них на две трети и отдаю ей. Гермес тут же бросает огромный кусок мороженого в кофе, я качаю головой. – Знаешь ли, я припоминаю, что запер вчера дверь. Но вот ты здесь.

– Я здесь. – Она отвечает мне потрепанной версией своей фирменной лукавой улыбки. – Да брось, Аид. Ты же знаешь, что в этом городе нет такого замка, который смог бы меня

остановить.

– Я осознал это с годами.

В первый раз она заявила ко мне всего лишь через месяц после того, как получила титул Гермес, а это было уже пять или шесть лет назад. Она напугала меня, пробравшись в мой кабинет, за что в итоге чуть не получила пулю в лоб. Каким-то непонятным образом это привело к тому, что она решила, будто мы большие друзья. И только через год я понял, что не имело никакого значения, что я сам думал по поводу этой так называемой дружбы. Приблизительно через полгода с ней стал заходить и Дионис, и я бросил попытки бороться с их присутствием.

Если они шпионы Зевса, то попросту ни на что не годны, потому что не добывают никакой информации, которую я намереваюсь от него скрыть. А если не шпионы...

Что ж, это не мои проблемы.

Гермес делает большой глоток своего кофе с мороженым и издает подозрительно напоминающий о сексе звук.

– Ты точно не хочешь?

– Точно.

Я облокачиваюсь на стол и пытаюсь решить, как мне все обыграть. Гермес я доверять не могу. И неважно, что она, по всей видимости, считает нас друзьями, все равно она одна из Тринадцати, и надо быть полным дураком, чтобы забыть об этом. Более того, она обитает в башне Додона и напрямую подчиняется Зевсу, во всяком случае, когда ей это удобно.

Действовать в открытую, не составив перед этим конкретный план, – верный путь к катастрофе.

Но, как ни посмотри, тайна раскрыта. Люди Зевса уже доложили ему о местонахождении Персефоны.

Если Гермес это подтвердит, ничего не изменится.

На кухню, спотыкаясь, вваливается Дионис. Усы растрепаны, бледная кожа едва не позеленела. Он неопределенно машет в мою сторону и шагает напрямик за кофе.

– Доброе утро.

Гермес фыркает.

– Выглядишь как покойник.

– Это ты виновата. Кто пьет вино после виски? Мерзавцы, вот кто. – Он долго сверлит кофейник взглядом и наконец наливает себе кружку кофе. – Застрелите меня и избавьте от страданий.

– Не искушай меня, – бормочу я.

– Да-да, ты угрюмый и страшный. – Гермес поворачивается на островке ко мне лицом. Ее темные глаза загораются озорством. – Все эти годы я думала, что это все притворство чистой воды, а потом ты приходишь и притаскиваешь похищенную тобой жертву.

Я уже начинаю объяснять, что на самом деле никого не похищал, но Дионис заливается громким смехом.

– Значит, мне это не привиделось. Персефона Димитрию всегда казалась мне жизнерадостной занудой, но вдруг оказалась интересной. Не прошло и получаса с момента объяв-

ления Зевсом о помолвке, как она ушла с вечеринки, а потом вдруг оказалась на другой стороне реки Стикс, куда хорошие девочки из верхнего города никогда не заходят? Весьма занятно.

Я хмурюсь, невольно сосредоточив внимание на самой незначительной из сказанной им информации.

– Жизнерадостной занудой? – Надо признать, мы встретились далеко не при идеальных обстоятельствах, но эта женщина отнюдь не зануда.

Гермес качает головой, и ее кудри подпрыгивают.

– Дионис, ты видел только ее публичный образ на мероприятиях, куда Персефону таскает мать. Она не так плоха, когда ее не держат взаперти и особенно когда проводит время с сестрами.

Дионис приоткрывает один глаз.

– Дорогая, шпионить зазорно.

– Кто сказал, что я шпионю?

Он открывает второй глаз.

– Значит, ты общалась с сестрами Димитриу? С четырьмя женщинами, которые ненавидят Тринадцать с поистине выдающейся страстью, учитывая, кто их мать.

– Возможно. – Ей даже не удастся сохранить серьезное выражение лица. – Ну ладно, не общалась, но мне было любопытно, потому что их мать полна решимости свести дочерей со всеми влиятельными людьми, до каких сможет добраться. Знать о таком полезно.

Я с упоением наблюдаю за происходящим. Гермес, как одна из Тринадцати, должна вызывать у меня принципиальную антипатию, но благодаря своей роли она во многих отношениях пребывает вне публичного пространства. Личный посылный, хранительница секретов, о которых я могу только догадываться, а когда ей нужно, то и воровка. Она, почти как и я, постоянно орудует в тени. Оттого должна заслуживать еще меньше доверия, чем все остальные, но она настолько прозрачна, что порой у меня начинает болеть от нее голова.

Следом до меня доходит смысл остальных сказанных ими слов.

– Значит, это правда. Она собирается замуж за Зевса.

– Вчера вечером объявили об этом. Я бы взгрустнул, если бы в моем сердце осталось место для печали. Она из всех сил старалась сохранить улыбку, но бедняжка была в ужасе. – Дионис снова закрывает глаза и облокачивается на стол. – Будем надеяться, она продержится дольше, чем последняя Гера. Стоит задуматься, в какую игру играет Деметра. Я думал, ей не настолько безразлична безопасность собственных дочерей.

Я знаю, что Гермес пристально наблюдает за мной, и не стану выражать интерес. Слишком много лет я запираю все под замок, пока между мной и остальным миром не образовалась толстая стена. То, что я терплю присутствие этих людей в своем доме, не означает, что я им доверяю. Никто не заслуживает моего доверия. Особенно когда я увидел, как

эффектно оно может выйти боком и между делом привести к гибели людей.

Гермес придвигается к краю стола и небрежно выставляет ноги вперед.

– Ты прав, Дионис. Она не давала на это согласия. Птичка мне напела, что девушка ничего не подозревала, пока ее не вытащили в центр зала и не поставили в такое положение, что ей оставалось либо согласиться, либо вывести из себя Зевса вместе со всеми присутствующими из Тринадцати. Ну, кроме Аида и Геры. А мы все знаем, как такое проходит.

– Ты работаешь на Зевса, – спокойно говорю я, подавляя гнев, который инстинктивно возникает во мне при упоминании имени этого ублюдка.

– Нет. Я работаю на Тринадцать. Просто Зевс пользуется моими услугами чаще остальных, включая тебя. – Она наклоняется вперед и неловко мне подмигивает. – Тебе стоит подумать о том, чтобы использовать мои навыки в полной мере. Уж поверь мне, я прекрасно справляюсь со своей ролью.

С тем же успехом она могла бы помахать наживкой прямо у меня перед носом и хорошенько ей потрясти. Я поднимаю брови.

– Надо быть дураком, чтобы тебе доверять.

– А он прав. – Дионис рыгает, а его лицо становится еще зеленее, если это вообще возможно. – Ты лукавая.

– Понятия не имею, о чем ты. Я – сама невинность.

Гермес ведет более изощренную игру, чем все остальные. Она вынуждена это делать, чтобы не пошатнуть свою относительно нейтральную позицию среди политиканства, манипуляций и интриг остальных из Тринадцати. Доверять ей все равно что засунуть палец в рот тигру и надеяться, что он не настроен на перекус.

И все же...

Любопытство вонзает в меня свои клыки и отказывается отпускать.

– Большинство людей в Олимпе с радостью отдали бы правую руку, чтобы стать одним из Тринадцати, через брак с Зевсом или нет. – Таблоиды рисуют Персефону как женщину, у которой денег больше, чем ума: такая как раз ухватилась бы за возможность выйти за богатого и влиятельного мужчину вроде Зевса. Эта Персефона совсем не похожа на сильную, но перепуганную девушку, которая вчера ночью мчалась через мост. Какая из них настоящая? Только время покажет.

Улыбка Гермес становится шире, будто я только что преподнес ей подарок.

– Можно было бы так подумать, не правда ли?

– Избавь его от страданий и поделись сплетнями, – стонет Дионис. – Из-за тебя у меня голова разболелась еще сильнее.

Гермес поднимает ноги, и я еле сдерживаюсь, чтобы не велеть ей убрать их с моего чертова стола. Она обхватывает кружку обеими руками и подносит ее к губам.

– Дочерей Деметры не интересуется власть.

– Ну конечно, – фыркаю я. – Всех интересуется власть. А если не власть, то деньги. – Не счесть, сколько раз дочерей Димитрию фотографировали в те моменты, когда они покупали вещи, которые им явно не нужны. Как минимум раз в неделю.

– Я тоже так думала. А потому считаю, меня можно простить за то, что я сую нос не в свои дела. – Она бросает взгляд на Диониса, но он настолько поглощен собственным похмельем, что даже не замечает. – Ни одной из них нет дела до амбиций матери. Младшая даже позволила, чтобы любимый сын Калиопы заманил ее в отношения.

Это привлекает мое внимание.

– Младший брат Аполлона?

– Именно, – смеется она. – Тот еще соблазнитель.

Я пропускаю ее слова мимо ушей, потому что не имеет никакого значения, что я думаю об Орфее Макосе. Пусть его семья и не принадлежит к одной из преемственных династий Олимпа, у них было вдоволь власти и богатства даже до того, как старший брат Орфея стал Аполлоном. По слухам, он музыкант, который постоянно находится в поиске себя. Я знаком с его работами, и они хороши, но никак не оправдывают его чрезмерные порывы в поисках всевозможных муз.

– Может, ты и права.

– Неужели? – Она дергает бровями. – Я лишь хочу сказать, что ты мог бы просто взять и выяснить, чего она хочет. –

Гермес пожимает плечами и, прыгнув со стола, слегка покачивается на ногах. – Или же оправдать ожидания и запереть ее в темнице. Уверена, Зевсу это понравится.

– Гермес, ты прекрасно знаешь, что у меня нет темницы.

– Сырой и темной нет. – Она опять дергает бровями. – Но все мы видели игровую комнату.

Я никак на это не реагирую. Вечеринки, которые я устраиваю время от времени, – такая же часть роли Аида, как и все остальное. Тщательно продуманный образ, созданный для того, чтобы пробуждать самые мрачные эмоции и таким образом гарантировать, что те немногие в верхнем городе, кто знает о моем существовании, не станут со мной связываться. Разве я виноват, что именно эта часть вышеупомянутого образа нравится мне больше всего? Лишь раз заглянув в эту комнату, Персефона с воплями умчится отсюда со всех ног.

– Вам пора домой. – Я кивком головы указываю в коридор. – Могу попросить Харона вас отвезти.

– Не парься. Мы сами поймаем машину. – Она встает на цыпочки и чмокает меня в щеку. – Желаю хорошо развлечься со своей пленницей.

– Она не моя пленница.

– Продолжай убеждать себя в этом. – И Гермес, пританцовывая, босиком выходит из комнаты, будто ничего естественнее в мире нет. Она меня утомляет.

Дионис, похоже, не собирается выпускать из рук мою

кружку, но останавливается в дверях.

— Вы с жизнерадостной девчонкой могли бы помочь друг другу. — Он морщится при виде выражения моего лица. — Что? Это вполне закономерная мысль. Она, пожалуй, одна из немногих в Олимпе ненавидит Зевса почти так же сильно, как ты. — Дионис щелкает пальцами. — О, и я получу твою поставку к концу недели. Я не забыл.

— Ты никогда не забываешь.

Когда он уходит, я беру оставленную Гермес кружку из-под кофе и ставлю ее в раковину. Эта женщина всюду оставляет за собой бардак, но к нему я давно привык. Прошедшая ночь была относительно спокойной по шкале Гермес-Диониса. Когда они вломились ко мне в прошлый раз, то притащили с собой курицу, которую нашли одним богам известно где. После этого я несколько дней всюду находил перья.

Сверлю кофейник взглядом, прогоняя прочь мысли об этих двух баламутах. Сейчас мне нужно не о них беспокоиться. А о Зевсе. Честно говоря, я удивлен, что он до сих пор не связался со мной. Он не из тех, кто станет сидеть сложа руки, когда кто-то забирает одну из его игрушек.

Как же заманчиво первым выйти на связь, чтобы ткнуть его носом в то, что его маленькая светская львица была готова прибежать ко мне, лишь бы не выходить за него замуж. Это был бы очень импульсивный и мелочный поступок. Если я вознамерюсь использовать Персефону, чтобы отомстить... то окажусь ничем не лучше него.

Стараюсь прогнать эту мысль. Мои люди пострадали от происков Зевса. Я тоже пострадал, потерял не меньше других. Я должен ухватиться за шанс отомстить. И хочу мести. Но желаю ли я осуществить ее во вред женщине, которая и так уже стала пешкой и в руках своей матери, и Зевса? Неужели я настолько бесчувственный, что стану действовать против ее воли?

Пожалуй, я мог бы поинтересоваться у нее самой, чего она хочет. Какая непривычная мысль.

Морщусь и наливаю еще кофе. После минутного раздумья нахожу сливки с сахаром и добавляю в кружку. Персефона, похоже, не из тех, кто пьет черный кофе. С другой стороны, кто ж знает? Все, что мне о ней известно, почерпнуто из светской хроники, авторы которой следят за Тринадцатую и их окружением. Эти «журналисты» обожают женщин семьи Димитриу и всюду следуют за ними, точно свора собак. Я вообще впечатлен тем, что Персефона смогла уйти с вечеринки без сопровождения.

Сколько здесь правды, а сколько творчески изложенного вымысла? Сложно судить. Я лучше многих знаю, что репутация зачастую имеет мало общего с реальностью.

Я тяну время.

Едва осознав это, чертыхаясь, выхожу из кухни и поднимаюсь наверх. Еще рано, но отчасти я предполагал, что она уже проснулась и терроризирует кого-нибудь в доме. Гермес и Дионис сумели выйти из пьяной комы, которую называют

сном, и ушли до того, как Персефона проснулась.

Меня раздражает зародившееся внутри беспокойство. Душевное состояние этой женщины – не мое дело. Не мое, черт побери. Мы с Зевсом и так пляшем на острие меча каждый раз, когда вынуждены взаимодействовать. Одно неверное движение – и меня рассечет надвое. А что еще важнее: одно неверное движение – и мои люди пострадают от последствий.

Я подвергаю себя и своих людей опасности ради женщины, которая наверняка жаждет власти так же, как и ее мать, а проснувшись, осознает, что лучший путь к этой власти – с кольцом Зевса на пальце. Не имеет значения, что она вчера говорила сестрам по телефону. Не может иметь значения.

Я стучу в дверь и жду, но из-за нее не доносится ни звука. Стучу снова.

– Персефона?

Тишина.

После недолгих размышлений открываю дверь. Ощувив легкое сопротивление, толкаю сильнее, и с другой стороны двери что-то падает. Издаю протяжный вздох и захожу в комнату. Мне достаточно обвести спальню взглядом, чтобы заметить упавший столик и пропавшее одеяло и прийти к выводу, что она всю ночь пряталась в ванной.

Еще бы.

Она же в доме страшного злого Аида, а потому уверена, что ей причинят вред, пока она беззащитна во сне. Она за-

баррикадировалась изнутри. От этого у меня возникает желание что-нибудь швырнуть, но я с подростковых лет не позволял себе срываться подобным образом.

Ставлю кружку с кофе, поднимаю упавший столик и возвращаю его на место. Довольный порядком, иду к ванной и стучу в дверь.

С другой стороны слышно шарканье. Затем раздается ее голос, да так близко, что она, по всей видимости, прижимается к двери.

– И часто ты врываешься в чужие комнаты без разрешения?

– А мне нужно разрешение, чтобы зайти в комнату в собственном доме? – Сам не знаю, зачем ввязываюсь в спор. Надо просто открыть дверь, вытащить ее оттуда и отправить восвояси.

– Возможно, тебе стоит требовать, чтобы люди подписывали отказ от претензий, прежде чем ступить к тебе на порог, если считаешь, что именно в этом заключается суть владения собственным жильем.

До чего же она странная. Такая... непредсказуемая. Я хмуро смотрю на побеленную деревянную дверь.

– Я подумаю об этом.

– Уж постарайся. Ты весьма резко меня разбудил.

Она говорит так чопорно, что мне хочется сорвать дверь с петель, лишь бы хорошенько рассмотреть, что написано на ее лице.

– Ты спала в ванне. Вряд ли так можно как следует выспаться.

– У тебя очень ограниченные взгляды.

Я уже начинаю закипать, но она конечно же, не видит этого.

– Персефона, открой дверь. Меня утомили эти переговоры.

– Похоже, тебя много что утомляет. Раз я такая зануда, то нечего было ломиться в мою дверь в безбожно ранний час.

– Персефона. Открой. Сейчас же.

– Ой, ну раз ты настаиваешь.

Как только раздается щелчок замка, я отхожу назад, и вот она стоит в дверях с восхитительно взъерошенным видом. Ее светлые волосы растрепаны, на щеке след от подушки. Она завернулась в одеяло, как в доспехи. Очень пушистые, бесполезные доспехи, из-за которых ей приходится идти в комнату крошечными шажками, чтобы не упасть.

Я готов рассмеяться, но сдерживаюсь. Любая реакция ее только раззадорит, а она и так привела меня в полное замешательство. *Разберись с ней. Либо используй, либо гони прочь.* Остальное неважно. Я машу кружкой.

– Кофе.

Карие глаза Персефоны слегка округляются.

– Ты принес мне кофе.

– Большинство людей пьет кофе по утрам. Ничего особенного. – Я корчу гримасу. – Хотя из всех моих знакомых

только Гермес мешает его с мороженым.

Она еще больше округляет глаза.

– Не могу поверить, что Гермес и Дионис все это время знали о тебе. Сколько еще человек знает, что ты не миф?

– Несколько. – Хороший, безопасный, уклончивый ответ.

Она все так же рассматривает мое лицо, словно пытается отыскать знакомые черты, будто я сам могу быть ей знаком. Это приводит в крайнее замешательство. Меня одолевает абсурдное подозрение, что она так сильно сжимает кулаками одеяло, чтобы не протянуть руку и не прикоснуться ко мне.

Персефона склоняет голову набок.

– Ты знал, что в башне Додона есть статуя Аида?

– Откуда мне знать? – Я лишь раз был в башне и не скажу, что Зевс устроил мне подробную экскурсию. Ни за что не хочу оказаться там снова, разве что для того, чтобы раз и навсегда прикончить этого ублюдка. Эта фантазия о мести помогла мне пережить столько тяжелых дней, что и не сосчитать.

Она продолжает, будто я не дал ей ответ, все так же пристально всматриваясь в мое лицо.

– Там стоят статуи каждого из Тринадцати, но твоя накрыта черной завесой. Наверное, для того, чтобы обозначить, что твоему роду пришел конец. Тебя быть не должно.

– Да, ты это уже не раз говорила. – Я обдумываю ее слова. – Похоже, ты и впрямь долго рассматривала статую Аида. Вряд ли Деметра хотела бы, чтобы ты имела что-то общее

с таким мужчиной.

Вмиг ее взгляд становится закрытым, а улыбка ослепительно яркой.

– Что тут скажешь? Не дочь, а сплошное разочарование. — Она делает шаг и морщится.

Она ранена. Черт, забыл. Я действую, не успев оценить разумность своего поступка. Беру ее на руки, не обращая внимания, как она вскрикивает, и кладу на кровать.

– Раны на ногах причиняют тебе боль.

– Если причиняют, то я благополучно сяду сама.

Я смотрю на нее, встречаюсь с ней взглядом и вдруг осознаю, как близко мы оказались друг к другу. Меня охватывает непрощенный нервный трепет.

– Так сделай это.

– И сделаю! Но сначала отойди. Я не могу думать, когда ты так близко.

Неспешно делаю шаг назад, потом еще один. Укладывать ее на кровать было ошибкой, потому что теперь она лежит с тем же восхитительно взъерошенным видом, а я прекрасно знаю, какие еще занятия в кровати придали бы ей такой же вид. Черт, она красивая. У нее теплая красота, словно прикосновение летнего солнца к лицу, и я чувствую, будто запятнаю ее, если подойду слишком близко. Я смотрю на эту красивую, непостижимую женщину и сомневаюсь, что смогу использовать ее, даже ради того, чтобы наказать Зевса за все зло, что он причинил мне и моим близким.

Засовываю руки в карманы и стараюсь говорить непри-
нужденно.

– Пора нам обсудить то, как быть дальше.

– Честно говоря, я думала о том же. – Персефона осто-
рожно снимает свою броню из одеяла и бросает на меня дол-
гий взгляд. А потом без всяких предупреждений пробивает
стену моих благих намерений. – Я думаю, мы можем помочь
друг другу.

Глава 6. Персефона

Ночь, проведенная в ванне незнакомца, помогает иначе взглянуть на ситуацию. Мне некуда идти. У меня нет денег. Нет друзей, которые способны не подчиниться воле моей матери. Пока я жила привычной жизнью, зима не казалась такой уж долгой. А теперь? Эти три месяца недостижимы, будто целая вечность.

Сестры пришли бы мне на помощь (Каллисто опустошила бы свой трастовый фонд, чтобы я точно выбралась из Олимпа невредимой), но я не могу позволить им вмешиваться. Может, я-то и сбегу из этого города, но они продолжают жить здесь, и с моей стороны было бы в высшей степени подло принять помощь и исчезнуть, оставив их разбираться с последствиями.

Нет, у меня и впрямь нет другого выхода.

Придется надеяться на милость Аида и убедить его, что мы можем помочь друг другу.

Все усугубляется еще и тем, что мягкий утренний свет ни капли не смягчает его грозный вид. У меня такое чувство, будто этот мужчина носит кусочек непроглядной тьмы в кармане. Этот образ определенно подчеркивает его черный костюм с рубашкой того же цвета. Дорогой, сшитый со вкусом и крайне атмосферный в сочетании с безупречно ухоженной бородой и длинными волосами. А эти глаза! Боги,

этот мужчина похож на демона, созданного специально, чтобы искушать меня. Быть может, это и неплохо, учитывая, какую сделку я собираюсь ему предложить.

– Персефона. – Он вскидывает бровь. – Ты считаешь, что мы можем помочь друг другу.

Вот и напоминание о том, что я тотчас смолкла, едва сказанные мной слова повисли в воздухе.

Приглаживаю волосы, стараясь не поддаваться волнению от его присутствия. Последние несколько лет я общалась с влиятельными людьми, но сейчас все как будто по-другому. Он кажется другим.

– Ты ненавидишь Зевса.

– Думаю, это и так предельно ясно.

Я пропускаю его слова мимо ушей.

– И по какой-то причине Зевс не решается выступить против тебя.

Аид скрещивает руки на груди.

– Зевс может делать вид, будто правила для него не существуют, но даже он не в силах противостоять всем Тринадцати. Наш договор составлен тщательно. Небольшая группа людей может без каких-либо последствий переходить через реку из верхнего города и обратно, но он не может. И я тоже.

Я моргаю. А это для меня новость.

– А что случится, если перейдешь?

– Война. – Он пожимает плечами, словно его это не волнует. Может, и так. – Ты перешла через мост по собственной

воле, и, забрав тебя обратно, он рискует разжечь конфликт, который затронет весь Олимп. – Аид кривит губы. – Твой жених никогда не ставит свою власть и положение под удар, поэтому позволит мне делать с тобой все, что пожелаю, только бы избежать этой стычки.

Он пытается напугать меня. Но вряд ли понимает, что так лишь убеждает в том, что мой плохо продуманный план может сработать.

– Почему все считают, что ты миф?

– Я не покидаю нижний город. Не моя забота, что в верхнем любят рассказывать сказки, которые не имеют никакого отношения к действительности.

И близко не похоже на развернутый ответ, но, думаю, сейчас мне эта информация ни к чему. Я и без лишних деталей хорошо вижу общую картину. С договором или без него, Зевс очень заинтересован в том, чтобы Аид и впредь оставался мифом. Без третьей преемственной роли расклад сил уверенно склоняется в пользу Зевса. Мне всегда казалось странным, что он, по сути, не брал в расчет половину Олимпа, но с тех пор, как я узнала, что Аид существует, все обретает смысл.

Выпрямляю спину, не дрогнув под его взглядом.

– И тем не менее это не объясняет, почему ты вчера говорил с его людьми в таком тоне. Ты ненавидишь его.

Аид даже не моргает глазом.

– Он убил моих родителей, когда я был ребенком. Нена-

висть слишком мягкое слово.

От потрясения у меня едва не перехватывает дыхание. Я не удивлена, что Зевса обвиняют в еще одной серии убийств, но Аид так безразлично говорит о смерти родителей, будто это случилось с кем-то другим. Проглатываю ком в горле.

– Я сожалею.

– Ага. Люди всегда так говорят.

Он отдаляется. Я вижу это по тому, как он обводит комнату взглядом, будто размышляет, как быстро сможет связать меня и отправить восвояси. Сделав глубокий вдох, я продолжаю. Неважно, что он сказал вчера людям Зевса, и так предельно ясно, что он не намерен оставлять меня в своем доме. Я не могу этого допустить.

– Используй меня.

Аид вновь внимательно разглядывает меня.

– Что?

– Это вовсе не одно и то же, даже близко не похоже, но он заявил на меня свои права, а теперь я в твоих руках.

Он явно удивлен.

– Я и не подозревал, что ты окончательно смирилась с ролью пешки в шахматном поединке между двумя мужчинами.

Щеки горят от унижения, но я не обращаю внимания. Он пытается спровоцировать меня, но я не поддамся.

– Пешка в вашей с ним игре или пешка в руках матери – все едино. – Я широко улыбаюсь, наслаждаясь тем, как он

вздрагивает, словно от удара. – Пойми, я не могу вернуться.
– Здесь я тебя не оставлю.

Нет причин, по которым его ответ мог бы отозваться болью. Я не знаю этого мужчину и не желаю, чтобы меня где-то *оставляли*. Но все же раздражает, что он так легко от меня отмахнулся. Сохраняю улыбку на лице и прежний бодрый тон.

– Не навсегда, конечно. Я должна кое-где оказаться через три месяца, но пока мне не исполнится двадцать пять, не могу получить доступ к трастовому фонду, чтобы туда добраться.

– Тебе двадцать четыре. – Вид у него становится еще более угрюмым, будто мой возраст – личное оскорбление для него.

– Да, арифметика проста. – *Сбавь тон, Персефона. Тебе нужна его помощь. Перестань язвить.* Но, похоже, я ничего не могу с собой поделать. Обычно у меня лучше получается заставлять людей чувствовать себя непринужденно, и тогда они практически готовы делать то, что я хочу. Но Аид вызывает у меня желание вонзить в него мои шпильки и держать, пока он не начнет корчиться.

Аид поворачивается, чтобы посмотреть в окно, и только тогда я замечаю, что он поставил пристенный столик ровно туда, где я его взяла. Выдающаяся дотошность. Ни капли не вяжется с образом призрака Олимпа. Тот бы выбил дверь ногой и за волосы вытащил меня из комнаты. Он был бы только рад принять мое предложение вместо того, чтобы

сверлить взглядом открытую дверь ванной, будто я оставила в ней свой разум.

Когда он вновь сердито смотрит на меня, мое безмятежное, радостное выражение лица уже снова на месте.

– Ты хочешь остаться здесь на три месяца.

– Хочу. Мой день рождения шестнадцатого апреля. На следующий же день я перестану тебя беспокоить. Как и всех остальных.

– Что это значит?

– Как только я получу доступ к трастовому фонду, то куплю кое-кого, чтобы он вызволил меня из Олимпа. Детали неважны: важно то, что я сбегу.

Он прищуривает глаза.

– Покинуть этот город не так уж просто.

– Как и перейти через реку Стикс, но вчера ночью мне это удалось.

Наконец, его взгляд смягчается и он просто изучает меня.

– Ты обрисовываешь какую-то слабую месть. С какой стати меня должно заботить, что ты будешь делать? Сама сказала, что не вернешься к Зевсу и матери, и именно я забрал тебя у него. Для меня нет никакой разницы, оставлю я тебя здесь или нет, уйдешь ты сейчас или через три месяца.

Он прав, и меня удручает его правота. Зевс уже знает, что я здесь, а значит, Аид поставил меня в тупик. Я осторожно встаю, стараясь не вздрогнуть от ноющей боли в ногах. Судя по его прищуренным глазам, он это замечает и явно недово-

лен. Неважно, каким бесчувственным он пытается казаться. Если бы он и вправду был таким, то не стал бы перевязывать мне ноги, не стал бы кутать в одеяла, чтобы я согрелась. Он бы не стал сейчас бороться с желанием толкнуть меня обратно на кровать, чтобы я не причиняла себе боль.

Сцепляю руки в замок, чтобы не успокоиться.

– А что, если ты, так сказать, подольешь масла в огонь?

Он внимательно наблюдает за мной, и меня посещает жуткая мысль, что именно так наверняка чувствует себя лиса перед тем, как на нее спускают собак. Погонится ли он за мной, если побегу? Я не могу быть в этом уверена, а потому сердце в груди начинает биться быстрее.

В конце концов, Аид произносит:

– Я слушаю.

– Оставь меня у себя до конца зимы. Со всем, что из этого следует.

– Персефона, говори прямо. Объясни, что ты предлагаешь в подробностях.

Мое лицо, по всей видимости, стало пунцового цвета, но я не даю улыбке дрогнуть.

– Если он подумает, что я предпочла ему тебя, это сведет его с ума. – Аид выжидает, и я с трудом сглатываю. – Ты живешь в нижнем городе, но хорошо знаешь, как все устроено по ту сторону реки. Моя мнимая ценность напрямую связана с моим имиджем. Помимо всего прочего, ты неспроста никогда не видел, чтобы я прилюдно с кем-то встречалась

с тех пор, как моя мать стала Деметрой. – Оглядываясь назад, я жалею, что позволила матери вмешаться в этот вопрос. Думала, что лучше не нагнетать обстановку, пока она создавала репутацию мне и моим сестрам. Я даже не догадывалась, что она потом воспользуется этой репутацией, чтобы продать меня Зевсу. – Зевс печально известен тем, что не желает того, что считает испорченным товаром. – Я делаю глубокий вдох. – Так... испортить меня.

Наконец, Аид улыбается. И, милостивые боги, в меня словно вонзается лазерный луч. Жар настолько сильный, что покалывает кончики пальцев на руках, а пальцы на ногах поджигаются. Я смотрю на него и тону в глубине этих темных глаз. А потом он мотает головой, гася волну непривычного ощущения в моем теле.

– Нет.

– Что значит нет?

– Я знаю, что ты в своей роскошной жизни, скорее всего, нечасто слышала это слово, так что повторяю по слогам. Нет. No. Nein. Non. Исключено.

Во мне вскипает раздражение. У меня родился отличный план, тем более что времени, чтобы его продумать, было мало.

– Почему нет?

На миг мне кажется, что он не станет отвечать. Но затем Аид качает головой.

– Зевс не глуп.

– Полагаю, это справедливое предположение. – Невозможно заполучить и удержать власть над Олимпом, не обладая соответствующим интеллектом, даже если статус переходит по наследству. – К чему ты ведешь?

– Даже если не брать в расчет Гермес, у него есть шпионы на моей территории, в точности как и у меня – на его территории. Его не одурачишь никаким поверхностным фарсом. Хватит и одного доклада, чтобы доказать этот обман, что в корне противоречит цели нашего обмана.

Если он прав, то мой план не сработает. Какое разочарование. Настал мой черед скрестить руки на груди, хотя метать сердитые взгляды я отказываюсь из принципа.

– Значит, пусть все будет по-настоящему.

Аид медленно моргает, и это служит мне особой наградой.

– Ты с ума сошла.

– Это вряд ли. Я женщина, у которой есть план. Учись и приспосабливайся, Аид. – Мой беззаботный голос никак не сочетается с бешеным сердцебиением, от которого слегка кружится голова. Не могу поверить, что предлагаю это; не могу поверить, что способна на такую импульсивность, но слова льются из меня ручьем. – Ты довольно-таки привлекателен, несмотря на угрюмость. Даже если я не в твоем вкусе, уверена, ты сможешь закрыть глаза и подумать об Англии, или о чем еще думает призрак, когда предается плотским утехам.

– Плотским утехам. – Сомневаюсь, что он сделал хоть

один вдох за прошедшую минуту. — Персефона, ты девственница?

Я морщу нос.

— Вообще-то, это не твое дело. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что только девственница назвала бы секс «плотскими утехами».

Ах, так вот что его останавливает. Мне не стоит с таким удовольствием подшучивать над этим мужчиной, но что бы я ему ни говорила, я правда не думаю, что он причинит мне вред. У меня не возникает желания лезть из кожи вон каждый раз, когда мы с ним оказываемся в одной комнате, а значит, он уже гораздо лучше Зевса и нескольких других людей, которые часто мелькают в его окружении. Более того, пусть он рычит и пытается задеть меня словами, но все равно то и дело украдкой поглядывает на мои ноги, будто ему самому больно оттого, что я на них стою. Аид нервирует, но точно не причинит мне вреда, раз его так сильно заботит мой нынешний уровень комфорта.

Я бросаю на него слегка жалостливый взгляд.

— Аид, даже при том смехотворно большом значении, которое в верхнем городе придают девственности, существует множество занятий и без проникновения в вагину, которые можно назвать «плотскими». Я-то думала, ты уже об этом знаешь.

У него подрагивают губы, но ему удается сдержать улыбку. И вот он снова смотрит на меня сердито.

– Тебе так страстно хочется продать свою девственность в обмен на безопасность?

Я закатываю глаза.

– Да брось. Какую бы выдумку мама ни внушила Зевсу, я не девственница, так что если именно эта мысль не дает тебе покоя, забудь. Все нормально.

Но его взгляд становится еще более суровым.

– От этого предложенная тобой сделка не становится более заманчивой.

Ох, да это просто смешно. Я вздыхаю, давая волю своему раздражению.

– Какая же я бестолковая, раз подумала, что ты из числа людей, которые не поклоняются алтарю девственной плевы.

Он чертыхается с таким видом, словно ему хочется провести ладонью по лицу.

– Я не это имел в виду.

– Так ты сказал.

– Ты перевираешь мои слова.

– Разве? – Этот разговор уже давно исчерпал предел моего раздражения. Обычно мне проще вовлекать людей в свои идеи. – В чем проблема, Аид? У нас с тобой схожие цели. Ты жаждешь покарать Зевса за зло, которое он тебе причинил. Я хочу добиться, чтобы его планы жениться на мне никогда не реализовались. Заставив его поверить, что мы трахаемся на каждой доступной поверхности, пока ты не оставишь клеймо на моей коже, мы достигнем обеих целей. По-

сле этого он и пятиметровой палкой не захочет дотронуться до меня и никогда не сможет смириться с тем, что именно ты меня «обесчестил».

Но Аид молчит. Я снова вздыхаю.

– Все дело в том, что ты считаешь, будто принуждаешь меня? Это не так. Если бы я не хотела заняться с тобой сексом, то не стала бы и предлагать.

Шок, в котором он пребывает, до того восхитителен, что я почти ощущаю его на вкус. Как и все остальные в Олимпе, этот человек видел в прессе различные публикации обо мне и моей семье, на них и строятся его представления обо мне. Не могу сказать, что все это неправда, но получаю особое удовольствие от этого диалога. Я знаю, какую роль моя мать придумала для меня: милая, жизнерадостная Персефона, которая всегда улыбается и делает, что ей велят.

Им и невдомек.

Но и нельзя утверждать, что я лгу. Да, у меня сейчас не так уж много вариантов, но мысль о том, чтобы переспать с Аидом, лишь бы уничтожить малейшую вероятность, что кольцо Зевса окажется на моем пальце... Она манит очень темную, очень тайную часть меня. Мне хочется задеть Зевса за живое, наказать его за то, что обращался со мной, как с предметом искусства на аукционе, а не с живым человеком, у которого есть свои мысли, чувства и планы. Пусть он корчится от боли, нанесенной клинком, который я создала, чтобы подорвать его авторитет, ускользнув у него из рук прямо-

ком к его врагу.

Быть может, это мелочь, но в вопросах репутации мелочей не бывает. Мать преподала мне хороший урок.

Власть связана с восприятием не меньше, чем с ресурсами, которыми располагает человек.

– Не знаю, как ты выбираешь сексуальных партнеров, но я обычно за такую честь не торгуюсь. – Его рука слегка подрагивает. – Сядь, пока не залила кровью весь ковер.

– Сначала паркет, теперь ковер. Айд, ты просто помешан на своих полах. – Поразмыслив немного, присаживаюсь на край кровати. Он ни на чем не сможет сосредоточиться, если я останусь стоять. Чинно складываю руки на коленях. – Так лучше?

У Аида сейчас выражение лица, какое бывает у моей матери перед тем, как она начинает грозиться выкинуть всех из окна. Сомневаюсь, что она действительно что-то выбрасывала в приступе гнева, но в детстве эта угроза казалась убедительной. Он медленно качает головой.

– Вряд ли. Ты все еще здесь.

– Ой. – Я смотрю ему в глаза. – И все равно не понимаю, в чем проблема. Вчера вечером ты хватал меня за горло и рычал «моя», а сегодня ведешь себя так, словно тебе не терпится выбросить меня на обочину. Я не в твоем вкусе? – Такое возможно, хотя странно, что это оказывается для него препятствием, если он и впрямь хочет отомстить. У меня есть зеркало. Я знаю, как выгляжу. Традиционная красота и все

такое, и это еще до того, как мать настояла, чтобы мы потратили абсурдную сумму денег на уход за волосами, кожей и гардероб, хотя под пластикой носа я подвела черту.

– Или ты предпочитаешь беспомощных дамочек в беде? Думаю, я сумела бы исполнить для тебя такую роль, если это поможет. – Я смотрю на Аида и даже не утруждаюсь придать лицу неестественное или соблазнительное выражение. Не сомневаюсь, что на него это не подействует. Вместо этого одариваю его глумливой улыбкой, которая лишь отдаленно напоминает о моей жизнерадостной натуре. – Ты хочешь меня, Аид? Хоть немного?

– Нет.

Я моргаю. Возможно, мне почудился огонек в его взгляде? В таком случае я повела себя как редкостная стерва.

– Что ж. Видимо, этот план не сработает. Прошу прощения. – Я укладываю свое разочарование в маленькую коробочку и засовываю ее подальше.

План был хорош, и я достаточно в ладу с собой и знаю, что с удовольствием закрутила бы интрижку с этим угрюмым красавчиком вдобавок к достижению прочих целей. Что ж. Есть и другой путь. Нужно лишь продумать его более тщательно. Мне совсем не хотелось впутывать сестер, но вчетвером мы уж точно сумеем придумать, как найти мне укрытие на несколько месяцев.

Я встаю, мыслями уносясь уже в далекие дали. Вероятно, придется взять у Каллисто денег в долг, но я непременно вер-

ну их с процентами. Не знаю, будет ли обещанный мне переезд доступен пораньше, но, думаю, если заплачу, как следует, эту проблему можно будет решить. Нужно просто не заикливаться на мыслях о том, какую часть своего трастового фонда я потрачу, когда верну Каллисто долг.

– Персефона.

Я резко останавливаюсь, чуть не врезавшись в Аида, и смотрю на него. Он не особо крупный мужчина, но вблизи кажется массивнее, будто его тень больше его самого. Мы стоим так близко, что еще одно неосторожное движение и я прижмусь грудью к его груди. Ужасная мысль. Он только что сказал, что не хочет меня, и, пусть я чрезвычайно упряма, все же могу принять отказ.

Я отступаю назад, но он хватает меня за локти и не дает сойти с места. Держит меня так близко, что это прикосновение можно принять за объятия. Его темные глаза ничего мне не говорят, и это не должно вызывать у меня трепет. Правда, не должно. Наблюдать, как его самоконтроль рушится у меня на глазах – желание, которое я не могу себе позволить.

Что вовсе не мешает мне сделать особенно глубокий вдох, и взгляд Аида, опустившийся на мою грудь под натянувшейся тонкой тканью платья, никак не умиряет испытываемое мной чувство победы. Он сжимает челюсти под безупречно ухоженной бородой.

– Я не имею обыкновения торговаться, когда дело касается секса.

– Да, ты это уже говорил. – Мой голос звучит слишком хрипло, чтобы я могла прикинуться равнодушной, но я ничего не могу с собой поделать. Он настолько умопомрачителен, что неосторожная партнерша может потеряться в его присутствии. Возможно, она даже не будет возражать. Но я осмотрительна. И прекрасно знаю, во что ввязываюсь. Надеюсь.

– Полагаю, все когда-то бывает впервые, – бормочет он. Уговаривает самого себя или меня? Я бы сказала ему, что меня уговаривать совсем не нужно, но помалкиваю. Наконец, Аид сосредотачивает взгляд на мне. – Если согласишься на это, то на следующие три месяца станешь моей.

Да. Мне с трудом удастся сдержать свой энтузиазм.

– Похоже, я соглашаюсь не только на секс.

– Это так. Я буду защищать тебя. Мы разыграем историю, которую ты хочешь. Ты будешь принадлежать мне. Подчиняться. – Он чуть сильнее сжимает пальцами мои локти, словно борется с желанием прижать меня к себе. – Мы разыграем все развратные безумства, которые я хочу сделать с тобой. Прилюдно. – При виде озадаченного выражения моего лица, он поясняет: – Зевс знает, что иногда я занимаюсь сексом на людях. Вот на что ты соглашаешься.

Умерь свой пыл, Персефона. Дай ему сыграть большого злого волка, которым он так жаждет себя изобразить. Облизываю губу и смотрю на него во все глаза. Я никогда не занималась сексом на публике, но не могу сказать, что категорически против этой идеи. Она на удивление возбуждающая.

– Тогда придется просто потерпеть.

– Не стоит.

Ох, какой же он восхитительный. Не сдержавшись, я слегка подаюсь вперед, повинуюсь чистой силе притяжения, исходящей от него.

– Я согласна на твои условия, Аид. Буду находиться под твоей защитой, принадлежать тебе и заниматься развратным публичным сексом – ну и ну. – Стоило на этом остановиться, но мне всегда плохо удавалось отказывать себе в желаемом. – Полагаю, мы должны скрепить сделку поцелуем. Таков традиционный порядок вещей.

– В самом деле? – Его интонация звучит не столько вопросительно, сколько насмешливо. Он так холоден, что мог бы заморозить меня до самого нутра. Это должно напугать меня. Все, с кем я встречалась, были полной противоположностью Аида: все охотно и без лишних вопросов брали все, что я предлагала, не требуя от меня дальнейших обязательств. Репутация моей матери гарантировала, что их желание ко мне не превзойдет страх перед ней, а потому они изо всех сил старались держать наши отношения в тайне. Поначалу встречаться украдкой было забавно. Потом утомительно. Но это было безопасно – насколько это возможно для дочери Деметры, живущей в Олимпе.

Но Аид не безопасен. И мне стоило бы пересмотреть нашу сделку, пока она еще не вступила в силу. Я могу убеждать себя, что нет иного выбора, но это неправда. Я хочу этого

каждой темной частичкой моей души, которую усердно стараюсь прятать. В известной всем легенде о милой, жизнерадостной и покладистой девушке не место тому, чего я жажду в темноте ночи. И внезапно я понимаю, что Аид способен мне все это дать.

Но вот его губы приникают к моим, и я вообще уже ни в чем не уверена.

Глава 7. Аид

На вкус она как лето. Не знаю, как такое возможно, если она только что спала в ванне, а за окном глухая зима, но это правда. Я запускаю ладони в ее густые волосы и наклоняю ее голову, чтобы было удобнее. Заключение сделки – самый неубедительный предлог, для поцелуя. Нет оправдания тому, что я целую ее все сильнее. Никаких оправданий, кроме того, что хочу ее. Персефона сокращает оставшееся между нами расстояние и оказывается полностью в моих объятьях. Теплая, такая мягкая, и, черт подери, она прикусывает мою нижнюю губу, будто и впрямь хочет этого.

Словно я не использую ее в своих интересах.

Эта мысль выводит меня из оцепенения, и я заставляю себя сделать шаг назад, а за ним и еще один. Всегда существовали пределы, за которые я отказывался выходить, обозначенные границы, такие же непрочные, как и те, что не дают Зевсу вторгнуться в нижний город. Но это не отменяет того факта, что я еще никогда их не нарушал.

Персефона смотрит на меня, хлопая глазами, и впервые с момента нашей вчерашней встречи выглядит настоящей. Не олицетворением солнечного луча. Не пугающе спокойной женщиной, оказавшейся в безвыходной ситуации. Даже не безупречной дочерью Деметры, которой прикидывается на людях. А просто женщиной, которой поцелуй понравился

так же сильно, как и мне.

Или я проецирую на нее собственные ощущения, и это всего лишь одна из ее многочисленных масок. Я не могу быть уверен, а потому делаю третий шаг назад. Не имеет значения, что остальной Олимп думает обо мне, *призраке*, я не позволю себе доказать, что они правы.

– Начнем сегодня.

Персефона вновь хлопает глазами, и я почти слышу, как ее невысказанно длинные ресницы, словно опахалом, касаются щек.

– Мне нужно поговорить с сестрами.

– Ты сделала это вчера.

Как же увлекательно наблюдать, когда она окружает себя броней. Сначала слегка, совсем чуть-чуть выпрямляет спину. Затем улыбается веселой, обманчиво искренней улыбкой. Наконец, в ее карих глазах появляется наивный взгляд. Персефона складывает перед собой руки.

– У тебя установлена прослушка. Так я и думала.

– Я параноик. – Это правда, но далеко не вся. Мой отец не сумел защитить своих людей, свою семью, потому что все принимал за чистую монету. По крайней мере, мне всегда так говорили. Даже если учесть, что Андреас окрашивал события собственным субъективным восприятием, факты остаются фактами. Мой отец доверял Зевсу, и они с матерью погибли. Я бы тоже погиб, если бы не откровенная удача.

Персефона пожимает плечами, будто ничего другого не

ожидала.

– Тогда узнаешь, что мои сестры вполне способны за-
явиться к тебе на порог, если зададутся целью, и плевать им
на реку Стикс. Такие они упрямые.

Не хватало только, чтобы у меня в доме появились еще
женщины вроде Персефоны.

– Позвони им. Я попрошу кого-нибудь подыскать тебе
одежду и принести в твою комнату. – Я поворачиваюсь к две-
ри.

– Подожди! – В ее безупречном спокойствии слышится
крохотный надрыв. – И все?

Я оборачиваюсь, ожидая увидеть страх или, может,
злость. Но нет, если я верно читаю эмоции, в ее глазах таит-
ся разочарование. Но мне тяжело в это поверить. Я не имею
права так сильно ее хотеть, она здесь лишь потому, что ей
больше некуда идти.

Будь я хорошим человеком, то сам бы вывез ее из горо-
да и дал достаточно денег, чтобы дотянуть до дня рожде-
ния. Персефона права, ей хватило сил пересечь реку, и при
должной помощи их, скорее всего, хватит, чтобы уехать из
города. Но я не хороший человек. И, несмотря на все внут-
ренние противоречия, которые вызывает во мне наша дого-
воренность, я хочу эту женщину. А теперь, когда она сама
предложила мне себя в невыгодной сделке, я намерен запо-
лучить ее.

Но не сейчас.

А когда это послужит нашей обоюдной цели.

– Продолжим разговор вечером. – Я выхожу из комнаты и отправляюсь к себе в кабинет. Она раздраженно вздыхает, и меня радует ее раздраженный вздох.

У моего вчерашнего поступка, как и у сделки, которую я заключил с Персефой, будут последствия. И я должен подготовить к ним своих людей.

Я несколько не удивлен, обнаружив, что Андреас ждет меня в кабинете. В руках у него кружка с кофе или виски (а может, и с тем и другим), и одет он в свои привычные брюки и шерстяной свитер, словно передо мной самая странная на вид помесь рыбака с генеральным директором, какую только видел свет. Татуировки, покрывающие его обветренные руки, доходят до самой шеи и лишь усиливают противоречие. Все, что осталось от его волос, давно поседело, и выглядит он ни минутой младше своих семидесяти лет.

Когда я вхожу и закрываю дверь, он поднимает взгляд.

– Я слышал, ты выкрал женщину Зевса.

– Она сама пересекла границу.

Он качает головой.

– Тридцать с лишним лет избегали неприятностей, а потом ты пускаешь все коту под хвост ради хорошенькой штучки в короткой юбке.

Я отвечаю ему взглядом, которого заслуживает это утверждение.

– Я слишком часто прогибаюсь во всем, что касается это-

го мерзавца. Раньше это было необходимо, но я уже не ребенок. Пора поставить его на место. – Именно этого я хотел с тех пор, как стал достаточно взрослым и начал понимать масштаб всего, что он у меня отнял. Поэтому я много лет собирал на него информацию. Такую возможность я упустить не могу.

Андреас медленно и протяжно выдыхает, в его водянисто-голубых глазах таится незабытый страх.

– Он уничтожит тебя.

– Возможно, лет десять назад он был способен на это. Но не теперь. – Я был очень осторожен, тщательно выстраивал основу своей власти. Зевс убил моего отца, когда тот был слишком неопытен и еще не мог отличить друга от врага. А я всю свою жизнь готовился к тому, чтобы одолеть этого монстра. И хотя до своего семнадцатилетия я был Аидом лишь номинально, в итоге я шестнадцать лет пробыл у руля. Если и существовал подходящий момент, чтобы это сделать – провести черту и подзадорить Зевса ее перейти, то он настал. Неизвестно, будет ли у меня еще один шанс, вроде этого, чтобы унижить Зевса и окончательно выйти на свет. От мысли о том, что все глаза Олимпа устремлены на меня, живот сводит от неприятного чувства, но уж слишком долго Зевс поглядывает на нижний город и делает вид, будто он здесь правитель. – Пора, Андреас. И уже давно.

Он снова качает головой, словно я его разочаровал. Наверное, это слишком много для меня значит, но Андреас уже

давно служит в моей жизни надежной путеводной звездой. И то, что он несколько лет назад ушел на пенсию, ничего не меняет. Он как дядя, которого у меня никогда не было, однако он никогда не пытался исполнять роль отца. Ему хватает ума этого не делать. Наконец, он наклоняется вперед.

– И каков твой план?

– Буду три месяца посылать его куда подальше. Если он перейдет через реку и попытается вернуть Персефону, остальные из Тринадцати его не поддержат. Они не просто так заключили договор.

– Тринадцать не спасли твоего отца. С чего ты решил, что они спасут тебя?

За последние несколько лет мы уже тысячу раз спорили об этом. Подавив раздражение, я пытаюсь объяснить.

– С того, что договора не существовало, когда Зевс убил моего отца.

Чудовищно то, что моим родителям пришлось умереть, чтобы был заключен этот договор, но, если среди Тринадцати начнется неразбериха, это повредит их благополучию, а их волнует только это. Один из редких случаев в истории Олимпа, когда Тринадцать достаточно долго работали сообща, чтобы бросить вызов власти Зевса и заключить соглашение, которое никто не желает нарушать.

Зевс не может попасть сюда, а я не могу отправиться туда. Никто из нас не в силах причинить вред другому члену Тринадцати или его семье, не оказавшись впоследствии стертым

с лица земли. Чертовски жаль, что это правило, судя по всему, не распространяется на Геру. Прежде эта роль была одной из самых могущественных, но последние несколько Зевсов понизили ее до номинальной должности своих супругов. Это позволило Зевсу оставаться безнаказанным, потому что Геру воспринимают лишь как дополнение к его должности, а не как самостоятельную фигуру.

Если Персефона выйдет за него, договор не обеспечит ей безопасность.

– Вряд ли это надежный план.

Я улыбаюсь, хотя улыбка получается вымученной.

– Тебе станет легче, если мы удвоим охрану мостов на случай его попытки переправить через реку ничтожную армию Ареса? – Этого не случится, и мы оба это знаем, но я уже успел усилить меры безопасности на случай маловероятного нападения Зевса. И меня не застигнут врасплох, как моих родителей.

– Нет, – ворчит он. – Но, полагаю, это начало. – Андреас ставит кружку. – Ты не можешь оставить девчонку у себя. Вытирай об него ноги, если хочешь, но оставлять ее нельзя. Он этого не допустит. Возможно, он не может выступить против тебя в открытую, но непременно заманит в ловушку, чтобы вынудить нарушить договор, и тогда вся мощь этих распрекрасных дураков обрушится на тебя. Даже ты не сможешь это выдержать. И уж точно не смогут твои люди.

Вот и оно. Постоянное напоминание о том, что я не про-

стой человек, что на моих плечах лежит груз ответственности за многие жизни. В верхнем городе ответственность за жизни жителей ложится на двенадцать пар плеч. А в нижнем – только на мои.

– Это не станет проблемой.

– Это ты сейчас так говоришь, но, будь это правдой, ты вообще бы ее сюда не привел.

– Я ее не оставлю. – Даже мысль об этом абсурдна. Я не могу винить Персефону за то, что она не хочет становиться женой Зевса, но все же она симпатичная принцесса, которая всю жизнь не знала ни в чем нужды. Быть может, ей хочется пуститься во все тяжкие, пока не кончится зима, но при одной только мысли о том, чтобы остаться здесь навсегда, она пулей умчится прочь. Ничего страшного. В долгосрочной перспективе мне такая женщина не нужна.

Наконец Андреас кивает.

– Полагаю, уже слишком поздно об этом беспокоиться. Ты доведешь дело до конца.

– Доведу. – Так или иначе.

Что нужно сделать, чтобы вынудить Зевса нарушить договор? Думаю, совсем немного. О его ярости ходят легенды. Он не отнесется доброжелательно к тому, что я «осквернил» его красавицу-невесту у всех на глазах. Довольно легко организовать небольшое представление перед нужными людьми, которые гарантированно и со скоростью лесного пожара распространят по Олимпу слухи. Болтунов достаточно, и Зевс

может счесть, что должен совершить опрометчивый поступок. Тот, что будет иметь реальные последствия.

Более того, жители Олимпа наконец-то столкнутся с правдой лицом к лицу. Аид – не миф, и я с огромным удовольствием исполню роль призрака в реальной жизни, если это поможет мне достичь цели.

Выражение лица Андреаса становится задумчивым.

– Держи меня в курсе.

– Конечно. – Я сажусь на край стола. – Как раз когда в очередной раз напомним тебе, что ты на пенсии.

– Ишь ты! – отмахивается он. – Говоришь, как этот маленький засранец Харон.

Учитывая, что Харон – его родной внук и близок к тому, чтобы стать моей правой рукой, его вряд ли уместно описывать словами «маленький засранец». Ему уже двадцать семь, и он гораздо более одарен, чем большинство людей в моем подчинении.

– Он хочет как лучше.

– Он навязчивый.

Раздается стук в дверь, и парень собственной персоной заглядывает в кабинет. Он копия своего деда, отличается лишь шириной плеч и густыми темными волосами. Но ясные голубые глаза, квадратный подбородок и уверенность – все при нем. Заметив Андреаса, он расплывается в улыбке.

– Привет, дед. Тебе бы поспать.

Андреас взглядом мечет молнии.

– Не думай, что я не смогу выпороть тебя, как раньше, когда тебе было пять лет.

– Даже не мечтал об этом. – Тон его голоса говорит об обратном, но в общении с Андреасом ему всегда нравилось играть с огнем. Харон заходит в комнату и закрывает за собой дверь. – Ты хотел меня видеть?

– Нам нужно обсудить изменения в работе охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.